

Ксана Моро

The background of the cover is a detailed illustration. In the center, a man with long white hair and a silver cape stands next to a woman in a blue dress, who is being embraced by a man with long dark hair and a black cape. Above them, a dark dragon and a light blue dragon are depicted in flight against a cloudy, moonlit sky. In the background, there are snow-capped mountains and a distant city. The title is framed by a large, ornate white flourish.

Связанные меткой
ИСТИННОСТИ

Ксана Моро

Связанные меткой истинности

<https://litres.ru/74346017>

Аннотация

Рецепт идеальной катастрофы: очередное разочарование в мужчинах, бутылка вина и «шуточное» гадание на суженого. Лера думала, что это просто способ отвлечься, но получила билет в один конец в мир, где сказки оживают в самом опасном облики.

Владыка Пламени — воплощение первобытной страсти, чей взгляд черных глаз обещает испепеляющий восторг.

✱# Правитель Льда — холодный расчет и ледяная выправка, за которой скрывается пугающая, властная тишина.

Оба требуют выбора, не желая делить добычу. Но к чему всё это девушке, которая больше не ищет драм и потрясений? Лера мечтала лишь о тихом счастье и спокойной любви, а оказалась в эпицентре бури. Как решить, чью сторону принять, если сердце вопреки здравому смыслу откликается обоим?

Внимание! Книга содержит сцены эротического содержания 18+. Все участники совершеннолетние. Встречается упоминание крепкого алкоголя.

многомужество

попаданка в другой мир

очень откровенно

истинная пара

ХЭ

Вторая книга по миру Астелион, самостоятельная история, можно читать отдельно.

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Гадание	9
Глава 2 На краю сна	15
Глава 3 Ящерица	21
Глава 4 Валерия	26
Глава 5 Не сон	32
Глава 6 Дракон-Император	40
Глава 7 Неожданное знакомство	46
Глава 8 Магия слов	53
Глава 9 Накал	59
Глава 10 Гадость	65
Глава 11 Недоразумение	72
Глава 12 Сариус	78
Глава 13 Библиотека	85
Глава 14 Рёв дракона	93
Глава 15 Искусственное дыхание	100
Глава 16 Гнёздышко	106
Глава 17 Чёрный дракон	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Пролог

От автора: В мобильном приложении не все визуалы могут отображаться. Если у вас они не открываются, попробуйте через компьютерную версию сайта.

Руки дрожат, пока я запикиваю свитер в коробку — серый, мягкий, тот самый, что Дима подарил на Новый год с биркой "С любовью, Лерочка", написанной его аккуратным, наклонным почерком. Бирка оторвана одним рывком, смята в кулаке, как и мои иллюзии о нас, и швырнута в угол комнаты, где затерялась под кухонным столом.

Дима стоит у этого стола, жуя бутерброд с колбасой и сыром. Взгляд полон раздражения, но ни грамма вины или раскаяния. Крошки сыплются на пол, как и его оправдания — мелкие и безвусные. Квартира — наша общая, снятая двушка на окраине города: кухня-гостиная с выцветшим диваном, где мы смотрели сериалы допоздна, засыпая в обнимку; спальня с большой кроватью, где вчера он был с ней, с Леной. Их запах всё ещё висит в воздухе — приторный, чужой, сладковатый, смешиваясь с ароматом моего чёрного кофе, горького и крепкого, как моё текущее настроение.

— Лера, ну ты серьёзно? Перегибаешь, как всегда! — Дима откусывает ещё кусок бутерброда, жуёт с наигранным спокойствием, но глаза бегают — то на меня, то в окно, избегая прямого взгляда. — Год вместе жили нормально, а из-за

одной дурацкой ночи всё на помойку? Лена — это ошибка, алкоголь разыгрался, ничего такого серьёзного. Я же извинился нормально, цветы купил — твои любимые розы, красные, огромный букет! Что ещё надо, а? Давай забудем и жить дальше.

Я выпрямляюсь медленно, третья коробка уже собрана. Руки всё ещё дрожат, но я сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь, не показать слабинку.

— Дурацкая ночь? — переспрашиваю я тихо, но голос режет, как нож. — Ты с ней спал, Дим! Прямо здесь, в нашей постели, пока я ночами дописывала отчёты на работе, чтобы нам на отпуск накопить. В Таиланд, помнишь? Ты обещал пляжи, закаты, коктейли у моря... А вместо этого — фото от соседа в чате в три часа ночи. Спасибо ему, что прислал — иначе бы и не узнала, пока ты якобы "на мужском собрании" с пацанами.

Он фыркает презрительно, отряхивает крошки с рубашки небрежным жестом и подходит ближе, раскрывая руки для объятия, как ни в чём не бывало. Его дыхание пахнет колбасой, сыром и вчерашним пивом.

— Ты параноишь, Лер! Этот сосед твой — сплетник конченный, завидует нашей жизни. Не выкидывай нас из-за ерунды. Поживём дальше, забудется со временем. Я же люблю тебя по-настоящему, ты сама знаешь. Лена — просто так вышло, глупый импульс. Давай мириться прямо сейчас, а? Я устрою романтический ужин — свечи, вино красное, твоя

любимая паста... Как раньше, помнишь?

— После измены? — я отталкиваю его ладонями в грудь резко, сильнее, чем хотела на самом деле. Он отшатывается на шаг. — Нет, Дима, хватит. Я съезжаю сегодня же. А ты... живи с воспоминаниями и своими импульсами.

Слёзы жгут глаза изнутри, солёные, горячие, но я моргаю часто, не давая им скатиться — не позволю увидеть, как я ломаюсь внутри.

— Ты сама во всё виновата! — Дима краснеет от злости, голос срывается на хриплый крик. Он тычет пальцем в мою коробку с вещами. — Вечно с этими своими цифрами, графиками, таблицами! Работа, отчёты, сверхурочные — где романтика, где огонь? Я от твоей рутины устал как собака! Так и будешь всегда одна торчать, Лера. Никто нормальный не выдержит такую карьеристку. Передумаешь — ползи обратно, дверь открыта.

— Обвиняешь меня теперь? За то, что я вкалываю? — мой голос тоже срывается, эхом отскакивает от голых стен кухни, дрожит от ярости. — Я доверяла тебе, Дим! Стирала рубашки, ждала допоздна с горячим ужином, даже когда ты звонил "ещё часик". А ты... неблагодарный эгоист. Браал всё — заботу, уют, мою любовь — и плюнул в лицо без зазрения.

Я хватаю скотч со стола и заклеиваю очередную коробку — резко, с громким треском липкой ленты, что разносится по комнате. Дима хлопает ладонью по столу с такой силой, что моя чашка с чёрным кофе подпрыгивает, коричневая лу-

жа плещется по столешнице, стекая на пол.

— Бери свои коробки с хламом и вали отсюда к чёрту! — орёт он, лицо искажено, вены на шее вздулись. — Только Вике своей такая подружка неудачница и нужна, она тоже в драмах своих тонет. Увидимся, когда передумаешь и поймёшь наконец, что без меня ты пропадёшь нафиг!

Я не отвечаю — просто запикиваю в рюкзак последние мелочи с полки: зарядку от телефона, пачку салфеток, ключи от квартиры, которые тут же выкидываю в мусорку в коридоре, — чувствуя, как ком растёт в горле, а руки онемели от напряжения. Затем подхватываю коробки по очереди — тяжёлые, неудобные, —ставляю их за дверь на лестничную площадку, балансируя, чтобы не уронить. Последний взгляд на кухню — на лужу кофе, крошки, его злобное лицо в дверном проёме, — и я хлопаю дверь с такой силой, что она дрожит в раме, эхом отдаваясь по подъезду. Замок щёлкает за спиной — резко, окончательно, как точка в конце длинного, измученного предложения нашей истории. В очередной раз я закрываю мысленную коробку с "любовью" — наглухо, без зазоров, навсегда, заклеивая скотчем все трещины, все воспоминания, все "а вдруг".

Глава 1 Гадание

Такси наконец затормозило у Викинного подъезда, фары разрезали стену из дождя. Полчаса тряски по серым улицам — и вот я здесь, стою над своими четырьмя коробками, которые стремительно темнеют от воды на тротуаре. Они выглядят такими же промокшими и неприкаянными, как я сама.

Вся жизнь снова уместилась в картон: одежда, книги, пара туфель на шпильке, для которых так и не нашлось повода. Всю дорогу я смотрела, как капли на стекле сливаются в длинные дорожки, за которыми расплывались огни города — точь-в-точь мои разбитые надежды. Водитель молчал, только радио бормотало про любовь — вот ирония. Куда катится моя жизнь?

Вика уже ждала в дверях подъезда — наверное, увидела такси из окна своей квартиры на третьем этаже. В растянутом сером свитере, с волосами в небрежном хвосте, она крепко меня обняла. Её глаза сразу наполнились сочувствием.

— Лерочка, заходи скорее! — воскликнула она, подхватив две коробки. — Давай вместе занесём. И вообще знай, ты заслуживаешь принца на белом коне, а не этого козла.

Я кивнула молча, схватила оставшиеся две коробки, и мы вместе потащили их по лестнице, пыхтя от усилия, тихо ру-

гаясь про себя на узкие ступеньки и отсутствие лифта. Втащили всё в квартиру — знакомую, уютную, с гирляндами, мигающими на стенах, стопками книг на полу и ароматом свежесваренного чая в воздухе. Коробки поставили в угол коридора с облегчённым вздохом.

— Спасибо, что приютила меня, Вик, — голос мой сорвался на хрип. Я моргнула быстро, чтобы не расплакаться при ней, и села на край дивана. — На днях найду себе квартиру и сразу съеду, обещаю не затягивать. Ладно хоть деньги есть, хотя копила их на отпуск с ним... На тот самый Таиланд, который так и не случился.

— Ой, да забей ты! — Вика отмахнулась энергично, махнула рукой, будто гонит прочь все беды разом, и плюхнулась рядом, наливая вино в бокалы из открытой бутылки. — Живи сколько хочешь, мне одной все равно скучно. Я вот винишка нам на вечер прикупила — белого, полусладкого, твое любимое с нотками персика. Будем материть твоего Диму до посинения, пока не полегчает. Расскажи всё по порядку, как узнала-то?

— Оказывается, пока я брала двойные смены на работе, он приводил её время от времени, — говорю я глухо, голос дрожит от обиды. Делаю глоток вина, которое приятно обжигает горло теплом. — Благо, сосед открыл глаза. Сделал фото тайком и прислал мне, как они целовались на кухне — не заметили, что входная дверь не закрылась до конца.

— Сосед-фотограф, мой герой теперь! — восклицает Ви-

ка, чокаясь бокалом о мой. — Дай ему медаль! А Диме — пинка под зад. Скотина редкая. Ещё вина налить? Давай, выговоришься, легче станет.

Мы устраиваемся на диване поудобнее, она доливает щедро вина в бокалы. Я делаю большой глоток. И вдруг накатывает волной: как я докатилась до такой жизни?

Мне двадцать восемь, и, глядя в зеркало, я вижу довольно симпатичную девушку: светло-русые волосы, которые на работе всегда прибраны в аккуратный хвост, выразительные карие глаза в обрамлении густых ресниц. Светлая кожа с легким румянцем и россыпью веснушек, полные губы и теплая, дружелюбная улыбка — окружающие часто называли меня «милашкой».

Но почему тогда мне так катастрофически не везет? Это уже четвертый разрыв, и четвертый раз вся моя жизнь упакована в картонные коробки. Я работаю как проклятая, а в глубине души мечтаю о простом: о семье, своем уютном доме и ком-то сильном, кто просто крепко обнимет и прошепчет: «Всё будет хорошо, я с тобой». Вместо этого — предательство и нелепые оправдания.

— Я просто хотела быть любимой, Вик, — шепчу я, нервно крутя бокал в ладонях. — Не принцессой из сказки, не моделью с обложки. Просто... чтобы он ценил меня такой, какая есть. А в итоге — снова здесь, у тебя на диване.

Вика ставит бокал на стол, смотрит серьезно, а потом хитро улыбается, хлопая резко в ладоши.

— Я знаю идеальный способ поднять тебе настроение прямо сейчас, Лер! — заявляет она бодро. — Давай погадаем на суженого! Как говорится, "на новом месте...". — Она грациозно вскакивает, копошится в шкафу. — Так, где-то тут у меня была красная свеча для любви... Нашлась!

— Какое новое место, Вик? — обвожу комнату взглядом: знакомые обои в цветочек, плакаты с кошками. — Я у тебя уже четвёртый раз кантуюсь. Это не "новое", это рецидив.

— Это всё мелочи, Лер! — она тащит меня к кухонному столу за руку, размахивая свечой и потрёпанной колодой таро. — Каждое твоё "кантование" у меня — это шаг ближе к судьбе. Садись уже. Ритуал простой: зажигаем свечу, тасуем карты, задаём вопрос: "Кто мой суженый и где он ждёт?". Я видела в ТикТоке — работает на раз-два. Плюс вино добавит магии, расслабит ауру.

Я скептически фыркаю, но покорно сажусь — от глупого желания верить хоть во что-то. Вика зажигает красную свечу — высокую, ароматную, с густым запахом роз и специй. Ловко тасует таро, почти как профессионал, бормочет слова, которые слышала где-то в видео: "Силы судьбы, покажите путь к истинной любви". Пламя чутко дрожит, тени пляшут на стенах, создавая иллюзию таинства. Она раскладывает карты медленно, с театральной паузой: первая — Король Пентаклей, мужчина в короне с золотым кубком в руках, окружённый роскошью; вторая — Король Мечей, строгий воин с холодным взглядом и мечом наготове; третья —

Отшельник, закутанная в мантию фигура с фонарём, но в его глазах свет.

— Видишь? — шепчет Вика, глаза горят, тычет пальцем в карты. — Два Короля и Отшельник! Твой суженый — сильный, страстный, умный, состоятельный человек. Не простой парень, Лер, а кто-то из высшего света — магнат или... ну, ты поняла, элита в общем.

Я смотрю на карты сначала молча, пламя свечи отражается в глазах Отшельника, и на миг кажется, что он смотрит прямо на меня. Потом не выдерживаю внутреннего напряжения и тихо фыркаю, переходя в искренний смех с истерическими всхлипами.

— Два короля и отшельник? Вик, ты серьёзно сейчас? — хохочу я, вытирая слёзы рукавом, голос срывается. — Я что, в фэнтези-романе? "О, моя королева, позвольте поцеловать вашу руку!" Ха-ха, может, он ещё и на драконе прилетит за мной, с замком в придачу?

Вика тоже заливается звонким смехом, но глаза у неё воспаленные.

— А что такого, представь только! — она театрально машет руками, изображая рыцаря. — Высокий, в мантии из чистого золота! "Лера, я — Король Пентаклей, у меня огромный замок и жезл. Я защищу тебя от всех бед". Идеально после твоих неудачников!

— Ой, ну ты даёшь иногда, Вик, сил нет, — посмеиваюсь я уже мягче, допивая вино до дна, приятное тепло разливается

по груди. — Ладно, если он такой состоятельный король, то пусть забирает меня хоть на единороге.

— Это союз сил! — Вика тычет в карты, убеждая. — Ты влюбишься по уши. Главное — верь, и он найдётся.

— Ладно, король, принц или кто он там, — вздыхаю с улыбкой. — Надеюсь, стейки он готовит получше Димы.

Мы ещё некоторое время посидели, Вика рассказывала про свои прошлые удачные гадания с примерами из жизни подруг, и настроение заметно улучшилось.

Если призадуматься честно, то я и не расстроилась по-настоящему, что с Димой так сложилось. Да, есть немного грусть — целый год жизни, потраченный на него зря. Но больше злость на самую ситуацию: на Диму с его "ошибками", на себя — за слепоту, доверчивость. Пусть это будет урок: хватит терпеть неблагодарных эгоистов.

Лера

Глава 2 На краю сна

Мы допили бутылку вина до последней капли, чокнувшись бокалами с шутливым тостом «За эльфов и их вечную молодость!». Вика зевнула широко, потянулась, обняла меня крепко, прижавшись на миг. Её волосы пахли шампунем с лавандой. «Спокойной ночи, моя королева, пусть сны будут добрыми», — прошептала она.

Вика постелила мне в гостиной на диване. Засыпая, я слушала, как дождь бьётся в стекло, и думала о том, что всё это — глупости. Таро, предсказания, «особая судьба»... Обычный бред двух женщин под бутылку шардоне.

Мне снилось небо — не привычно голубое, а с фиолетовым отблеском, расшитое золотыми нитями молний, что извивались, словно живые вены. Я стояла на самом краю скалистого обрыва, ветер хлестал волосы, а внизу, далеко в пропасти, бушевал океан — чёрный, пенящийся, с волнами, что ревели, поднимаясь всё выше.

Слева на меня смотрели черные глаза — огромные, нечеловеческие, с вертикальным зрачком, в глубине которого пульсировало скрытое пламя. Бездонные, как сама бездна, они горели яростью и первобытной властью, без жалости, только с голодом и требованием. Отчего у меня перехватило дыхание, сердце сжалось от интуитивного, необъяснимого ужаса.

А справа... справа веяло ледяным холодом, проникающим до костей — бледно-голубые очи, чистые, как арктический лёд в полдень. В них не было жара, но была такая пронзительная холодная глубина, что мои лёгкие словно покрылись инеем. Этот взгляд препарировал мою душу, изучая каждую трещинку, безжалостно замораживая даже страх и превращая его в хрупкий иней внутри груди, парализуя волю.

Черный уголь и вечный лёд.

Они приближались медленно, неотвратно — черное пламя слева и голубой лёд справа, опаляющий жар и парализующий холод, сжимая пространство вокруг, не давая пути назад.

— Кто вы? — прошептала я в пустоту сна.

Я рванулась назад от края, пытаюсь закричать изо всех сил, разорвать этот кошмар, и... проснулась резко, с бешено колотящимся сердцем, хватая ртом воздух. Но тут мои глаза распахнулись в удивлении: я сидела не на мягком диване, а на гладком камне.

Над головой не было потолка привычной Викиной квартиры. Там высились своды исполинского зала, подпираемые колоннами в виде извивающихся драконов. Пахло озоном, дорогим деревом и чем-то острым, обжигающим ноздри.

— Что это за фокусы? — раздался рокочущий, низкий голос, от которого по моей коже пробежала стая мурашек. — Откуда в моем тронном зале эта девка?

Холод камня просачивался сквозь ткань штанов, заставляя зубы выбивать дробь. Я сидела на полу, обхватив себя руками, и медленно подняла голову. В пяти шагах от меня, на массивном троне из тёмного золота, инкрустированного рубинами, сидел мужчина. Его волосы были чернее воронова крыла, кожа — тёплого светлого оттенка. Но главное — глаза. Те самые, из сна. Чёрные колодцы, в которых плясало живое пламя.

Правитель драконов

— Это розыгрыш? Скрытая камера? — выдавила я, чувствуя, как дрожит голос. — Вика, это не смешно!

Он медленно поднялся с трона, и только тогда я осознала, насколько он огромен — в нем было не меньше двух метров роста. Его мощные плечи обтягивала черная рубашка с золотой вышивкой, а кожаные штаны подчеркивали силу его ног. Каждый его шаг по мраморным плитам отдавался в ушах тяжелым, гулким эхом, словно по полу били кузнечным молотом, и этот звук заполнял всё пространство под высокими сводами зала.

— «Вика»? — переспросил он, пробуя имя на вкус, как нечто мерзкое. — Это имя твоего хозяина? Кто тебя прислал, девчонка? Что за шпионка наденет эти... нелепые тряпки? — Его взгляд скользнул по моим штанам и футболке, и брезгливое отвращение исказило его идеальные черты лица.

— Я не шпионка! — я наконец обрела опору и встала, пошатываясь, ноги были ватными от шока. — Я не знаю, как здесь оказалась. Я спала у подружки... Москва, улица Академика Королева, дом двенадцать! Вы вообще понимаете, о чём я?

— Ложь! — прорычал он, делая шаг ближе. Жар от его тела опалил кожу, заставляя пот выступить на лбу. — В Астелионе нет места под названием «Москва». Ты пахнешь иначе, это правда. У тебя нет магии, ты не смогла бы сама пройти через защиту дворца. Значит, тебя подбросили.

— Астелион? — слово эхом отозвалось в голове, вызывая лишь нарастающую панику. Я лихорадочно пыталась вспомнить школьные уроки географии, политическую карту мира, новости — хоть что-то. Ничего. Никакого Астелиона. Страна? Континент? Или я правда сошла с ума, и этот мужчина с горящими глазами — плод моего воспалённого воображения? Но холод камня был слишком реальным, а его жар — слишком обжигающим.

Он обошел меня по кругу, как хищник обходит загнанную добычу.

— Посмотри на этот зал, — он обвёл рукой пространство. — Это Сердце Драконьего Пика. Сюда нельзя «просто попасть». Сюда приходят либо за смертью, либо по праву крови. Назовись. Кто ты?

— Валерия, — ответила я, вытирая пот со лба. — Меня зовут Валерия Королева. И если это какой-то розыгрыш, то

он зашел слишком далеко. Где здесь выход? Дайте телефон, я вызову такси!

Он замер, ноздри хищно дрогнули. «Королёва...» — пробормотал он, и в его глазах мелькнуло что-то новое — удивление? Подозрение? Он подошёл максимально близко.

— Выход? — он хищно усмехнулся. — Из моих владений нет выхода для тех, кто приходит без приглашения. «Королёва»... Интересное имя для шпионки. Ты знаешь, что значит «королева» на древнем драконьем?

«Древний драконий? Он серьёзно?» — я почувствовала, как внутри всё сжимается от абсурдности происходящего. Он что, всерьёз намекает, что он — дракон?

Я снова осторожно обвела взглядом зал, пытаюсь зацепиться хоть за одну рациональную деталь. Высоченные своды, уходящие в темноту, тяжелые колонны, то тут, то там изображения крылатых созданий. Если отбросить здравый смысл, то это место идеально подошло бы какому-нибудь владыке чешуйчатых из фэнтези-романов, которые я читала в метро. Но я-то не в романе!

«Да ну нет, бред какой-то, — билось в висках. — Не могли же мы с Викой вчера так много выпить, чтобы меня накрыло такими галлюцинациями? Мы же вроде только одну бутылку выпили... или нет?». Я попыталась вспомнить вчерашний вечер: коробки, дождь, такси... Всё было таким реальным! А теперь — замок, Сердце Драконьего Пика и этот мужчина, от которого веет жаром, как от открытой духовки.

Внезапно он резко подался вперед и схватил меня за подбородок.

— Эй! Пусти! — я попыталась вырваться, вцепившись пальцами в его руку, но хватка была железной, а кожа — неестественно обжигающей, словно под ней текла расплавленная сталь.

В ту же секунду произошло то, что навсегда разделило мою жизнь на «до» и «после». Запястье левой руки прошила резкая, пульсирующая вспышка боли. Казалось, тысячи раскаленных иголок разом вонзились в нежную кожу, выжигая на ней свой след. Я вскрикнула, хватаясь за руку.

Глава 3 Ящерица

Когда я решилась посмотреть на запястье, я едва не лишилась чувств.

На моей молочно-белой коже, прямо на запястье, проявился силуэт могучего существа. Расправленные крылья, длинный извивающийся хвост, корона из рогов. Чёрный дракон. Он выглядел настолько детальным, что казалось, будто сейчас взмахнет крыльями и улетит.

— О боже... — выдохнула я, тупо разглядывая свою руку.
— Что это? Татуировка? Уберите это!

Стоявший передо мной мужчина замер, не выпуская моей руки. Его лицо, до этого выражавшее лишь холодное высокомерие, вдруг побледнело. Он медленно задрал рукав правой руки, обнажив мускулистое предплечье. Я неверующе смотрела, как на его запястье выжигались буквы, словно кто-то невидимым клеймом впечатывал их в его плоть.

В-А-Л-Е-Р-И-Я.

Он смотрел на мое имя на своей руке с таким выражением, будто это был его смертный приговор. Кулак сжался так, что кости хрустнули.

— Нет... — прошептал он, и в его голосе я впервые услышала не ярость, а неприкрытый ужас. — Этого не может быть. Истинность мертва. Пятьсот лет как мертва!

— Какая еще «истинность»? — я до боли прижала ладонь

к горящему запястью, пытаюсь унять пульсацию. — Вы бредите! Что вы со мной сделали?

— Это... морок, — прохрипел он, и пламя в его глазах вспыхнуло с такой силой, что мне стало по-настоящему страшно. Нависая надо мной своей огромной тенью, он проговорил: — Как ты это сделала? Какой магией ты внушила мне это видение? Кто тебя обучил?

— Вы же сами сказали! — выкрикнула я, и мой голос сорвался на дрожь. — Только что рычали, что не знаете магии, способной протащить «девчонку в нелепой одежде» сквозь ваши стены! Так как я, по-вашему, могла сотворить этот... как вы её называли... морок?

Я выставила перед собой горящее запястье, словно улику, которую невозможно игнорировать.

— Я обычный человек! У меня в жизни из магии были только патчи под глаза по утрам и кофемашина, которая вечно ломается! — я чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы от абсурда и страха. — Я стою здесь босая, в дурацких штанах, и единственное, чего я хочу — это проснуться в своей кровати, а не выслушивать бред про какую-то „Истинность“!

Он замер, и я увидела, как желваки заходили по его скулам. Мои слова, пропитанные искренним отчаянием, явно заставили его засомневаться. Если я — шпионка, то заслуживаю «Оскара», потому что так правдоподобно биться в истерику невозможно.

— Ты — искусная иллюзия, — процедил он сквозь зубы, но в голосе скользнула неуверенность. — Кто подослал тебя? Какой-то тёмный жрец выкрал мою кровь, чтобы создать этот морок?

— Посмотрите на меня! — я сорвалась на истерический смех, указывая на свою пижаму. — Если бы кто-то создавал «искусную иллюзию» для великого правителя, он бы хоть расчесал мне волосы и надел что-то поприличнее этих штанов с барашками!

Он не ответил. Его взгляд, тяжелый и горячий, словно расплавленный свинец, снова опустился к моему запястью. Он прожигал эту метку взглядом, будто надеялся, что под его яростным напором она просто испарится, признав себя ошибкой. Его челюсти были сжаты так сильно, что, казалось, зубы вот-вот раскрошатся.

— Сариус! — рявкнул он на весь зал. — Сюда! Живо!

Не прошло и пары минут, как тяжелые створки боковой двери распахнулись. В зал вошел пожилой мужчина, чья фигура внушала невольное почтение. Несмотря на седину, он не выглядел слабым — в его осанке чувствовалась та же скрытая мощь и «хищная» порода, что и у хозяина замка.

На нем были многослойные одежды темных тонов: глухой черный кафтан из плотной ткани и темно-серая мантия, расшитая по краям серебряной нитью, напоминающей чешую. Его лицо, покрытое сетью морщин, казалось высеченным из камня, а глаза... полыхали густым темным янтарем с верти-

кальным зрачком, который мгновенно сузился при виде меня.

— Смотри, — правитель указал на мое запястье. — Скажи мне, что это искусный рисунок.

Сариус медленно сократил расстояние между нами. Он двигался осторожно, словно боялся спугнуть видение, которое могло рассыпаться в прах от любого резкого звука. Старик наклонился к моей руке, и я почувствовала, как от него исходит запах старой бумаги.

— Рисунок? — голос Сариуса дрогнул, став сухим и надтреснутым. — Мой лорд, ни один житель в Астелионе не способен имитировать зов Пламени. Посмотрите: метка стала частью этой девушки, а девушка — частью нашей крови. Это... Истинная связь.

Правитель издал звук, похожий на глухое рычание, и с силой ударил кулаком по колонне рядом.

— Стража! — рявкнул он, оборачиваясь к массивным дверям.

В зал ворвались четверо мужчин. Их мечи были обнажены, а на лицах застыли маски суровой решимости. При виде меня, стоящей у подножия трона, они на секунду замешкались.

— Мой Император? — один из них, постарше, вопросительно взглянул на мужчину.

— Уведите её! В Западную башню! Запереть, пока я не решу, что с ней делать!

Слова Императора ударили наотмашь. Западная башня? Это что, местная тюрьма?

— Погодите! — я пристально смотрела на мужчину, который уже повернулся ко мне спиной. — Вы не имеете права! Я требую адвоката! Посла! Хоть кого-нибудь, кто понимает, что здесь происходит!

Двое стражей подхватили меня под руки. Их хватка была такой крепкой, что я кожей чувствовала: спорить бесполезно. Я пыталась вырваться, кричала, но мужчина даже не обернулся. Его равнодушие бесило сильнее, чем страх.

— Ты пожалеешь об этом! — крикнула я, когда меня потащили к выходу. — Слышишь? Верни меня обратно, ты, высокомерная ящерица!

Меня потащили по бесконечным коридорам, мимо голбеленов, изображающих сражения огромных ящеров, мимо слуг, которые замирали, провожая меня ошарашенными взглядами и шепотом. Я пыталась сопротивляться, но гвардейцы были как скалы — холодные и равнодушные. Каждый шаг по холодному камню отдавался в голове вопросом: за что мне всё это? Неужели четырех неудачных романов было мало, чтобы судьба решила забросить меня в пасть к настоящему дракону?

— Пожалуйста, пусть это будет просто очень плохой сон... — шептала я, сбивчиво. — Сейчас я проснусь, и окажется, что мы просто перебрали с вином...

Глава 4 Валерия

Гелион

Когда двери с грохотом захлопнулись за девушкой, в тронном зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как сыплется камень, треснувший под моим кулаком. Воздух всё ещё вибрировал от её последнего выкрика: «Ящерица». Она назвала меня, Правителя Драконов, чьё дыхание плавит сталь, а воля держит в узде целую Империю, мелким пресмыкающимся.

Я стоял неподвижно, глядя на свою правую руку. На запястье, прямо там, где под кожей бьется жилка, издевательски чётко сияло имя — «Валерия». Буквы были странными, чуждыми нашему алфавиту, но я считывал их магическим зрением так же ясно, как читал донесения.

— Мой лорд... — голос Сариуса был едва слышным шёпотом, в котором слышался восторг. — Это свершилось. Пять веков молитв и ожиданий. Магия мира... она всё-таки услышала нас.

— Магия мира решила посмеяться надо мной, Сариус! — я резко обернулся, и сноп искр сорвался с моих пальцев, мгновенно превращая тяжёлый гобелен с изображением моих предков в горстку серого пепла. — Ты видел её? Хрупкая, без капли магии. Она не выживет здесь и недели! Я даже не знаю, откуда она взялась.

Я подошёл к самому краю открытой террасы и до боли вцепился пальцами в холодный каменный парапет. Далеко внизу, под нависшим над бездной выступом, клубились вечные облака, скрывающие подножия скалистых утёсов. В разреженном горном воздухе, подсвеченные луной, медленно кружили драконы — величественные хозяева этого поднебесья.

Мы выживали веками, высекая свои города в теле гор, закаляя сердца подобно стали и отказываясь от лишних чувств ради чистой силы. Мой отец учил меня: привязанность — это брешь в доспехах, опасная, как неверный взмах над пропастью Драконьего Пика. И теперь всё, что я строил, — моя воля, моя империя — оказалось намертво приковано к этой «Валерии»?

— Имя на запястье — это высшая степень Истинности, Гелион, — Сариус подошёл ближе, встав по правую руку от меня. Он служил ещё моему отцу, и его мудрости я доверял больше, чем собственному чутью. — Вспомните донесения десятилетней давности. У Эрисха, младшего брата Кайрона, жена — тоже чужестранка из иного мира. Она появилась так же внезапно, как и ваша Валерия, появившись буквально из ниоткуда.

Я нахмурился, припоминая те странные слухи, которые поначалу счёл пустой болтовнёй придворных.

— И именно она, простая человеческая женщина, смогла

избавить земли от проклятой болезни, перед которой пасовали лучшие целители Астелиона, — продолжал Сариус, его голос звучал ровно и убедительно. — Мир не перебрасывает таких женщин через границы миров просто так, мой король. Возможно, и эта девушка появилась здесь, чтобы спасти то, что мы уже считали безвозвратно потерянным?

В памяти отчётливо всплыли мгновения, предшествующие её появлению. Тяжёлый день, бесконечные донесения о беспорядках и споры в Совете. Я вымотался, прикрыл глаза на минуту, сидя на троне в пустом зале, позволив себе минутку тишины. Всего мгновение темноты... А когда открыл глаза, реальность изменилась.

Передо мной, прямо на полу, сидело это недоразумение. Всклокоченная, в одежде, которая больше подходила для балагана, чем для императорского дворца. Она не возникла из тени, не прокралась мимо стражи — она просто была там, возникнув из ниоткуда вместе с запахом дождя.

Мысли лихорадочно цеплялись за логику, но та рассыпалась. Если сам мир перенес её сквозь пространство и время прямо к моим ногам, значит, у этого безумия есть цель. И значит, эта метка на моем запястье — не ошибка и не проклятие. Это правда, которую мой разум отказывался принимать.

— Эрисх — мягкотелый романтик, позволивший чужачке крутить собой как марионеткой. Я не он. И если она действительно иномирянка, это делает её в сто крат опаснее. Она не

знает наших законов, она не ведает страха перед пламенем, она смотрит на меня и видит... „ящерицу“. Как будто я — не дракон, а забавный зверек.

Я закрыл глаза, но перед мысленным взором тут же всплыло её лицо. Эти карие глаза, в которых застыла растерянность, перемешанная с отчаянным упрямством. Я видел в их глубине страх — настоящий, липкий страх человека, — но она изо всех сил старалась не выказывать его.

В ней не было того священного трепета, к которому я привык, лишь странное, почти пугающее достоинство. Даже когда её голос дрожал, она смотрела мне прямо в лицо, отказываясь склониться перед тем, чего не понимала.

Самое страшное было внутри. Мой дракон — древний, яростный зверь, которого я годами приучал к дисциплине — сейчас буквально бесновался. Он довольно урчал, царапая когтями мои ребра изнутри. Ему было плевать на политические риски, на мнение Совета или угрозу со стороны знатных семей. Он чувствовал её запах — запах дождя, незнакомых цветов и чего-то необъяснимо сладкого. Он уже принял её «своей», требовал, чтобы я немедленно вернул её, согрел и заставил замолчать единственным доступным мужчине способом.

— Отправь к ней служанку, — приказал я Сариусу. — Пусть переоденут её в достойные одежды и накормят. И проследи, чтобы в покоях башни разожгли камин. Истинная она или нет, но мне не нужно, чтобы эта человечка замерзла до

рассвета.

— Разумное решение, правитель, — старик склонил голову, и в его глазах мелькнула тень одобрения.

— Это не милосердие, — отрезал я, снова надевая маску безразличия. — Мне нужно, чтобы она была в состоянии говорить, когда я приду.

Я чувствовал, как капля пота катится по виску. Жар внутри меня становился неконтролируемым, дракон рвался наружу.

— Иди, Сариус, — выдохнул я, не оборачиваясь. — Никто не должен знать об имени на моем запястье. Официально она — гостя. Пока она находится в башне, у меня будет время решить, как разорвать эту связь или... как обернуть её на пользу.

Старик печально склонил голову, понимая, что спорить сейчас бесполезно.

— Как прикажете, мой лорд. Но помните: истинность нельзя «использовать». Она либо возносит на вершину, либо сжигает дотла.

Когда советник ушел, я остался один. Я снова поднял руку и посмотрел на запястье.

Имя «Валерия» издевалось над моим многолетним самообладанием. Иномирянка. Весь мой мир был построен на расчете, где чувства считались слабостью.

Но пульс, предательски ускоривший бег под этим клеймом, твердил об обратном. Моя внутренняя крепость, кото-

рую я возводил годами, дала трещину. И больше всего на свете я боялся, что эта девчонка — именно та молния, которой суждено превратить мои незыблемые устои в руины.

Я чувствовал, как дракон внутри наконец притих, когда я частично признал её власть над нами. Но я, как император, еще не был готов капитулировать перед судьбой, надевшей на меня оковы.

Глава 5 Не сон

Когда дверь с грохотом захлопнулась, отрезая меня от внешнего мира, я еще несколько секунд стояла совершенно неподвижно. Оцепенение сковало мышцы, а взгляд прикипел к узкой щели в дверном проеме, за которой только что скрылись спины стражников.

Первым делом, когда оцепенение спало, я направилась к окну, отчаянно надеясь увидеть там хоть что-то знакомое. В Москве сейчас должен был идти дождь. Там, за окном Виккиной квартиры, наверняка раздавался привычный шум: монотонное шуршание шин по мокрому асфальту, далекие гудки машин и приглушенный рокот большого города, который никогда не спит.

Я выглянула наружу и почувствовала, как мир под ногами делает кувырок. Желудок подкатил к горлу, а ладони мгновенно стали влажными.

Далеко внизу расстился край, который тот черноволосый тиран назвал Астелионом. Это была величественная и пугающая картина, от которой веяло чем-то доисторическим. Бесконечная гряда острых, как клыки хищника, скалистых утесов уходила за самый горизонт, утопая в дымке облаков.

Небо... небо вроде бы было привычного оттенка, но из-за опустившейся ночи трудно было разобрать наверняка. За-

то луна выделялась пугающе четко — огромный, холодный диск сиял так ярко, как в Москве не светит ни один фонарь. В этом призрачном свете в воздухе кружили тени. Вот одна из них отделилась от скалы, и я замерла: огромное крылатое существо с пронзительным, леденящим кровь клекотом спикировало в дымные испарения ущелья и снова взмыло к облакам.

— Дракон, — выдохнула я, вцепляясь пальцами в холодный подоконник. — Настоящий чертов дракон. Это не сон. О боже, это совсем не сон.

Я бессильно сползла на пол, обхватив колени руками. Астелион. Другой мир. Тот мужчина на троне... он ведь тоже один из них? В его глазах полыхала опасность. Высокомерный, властный, уверенный в своей абсолютной правоте. Он даже не считал нужным представиться, просто приказал швырнуть меня сюда как бродячую кошку.

Посмотрела на свое левое запястье. Черный дракон на коже казался живым — его крылья словно подрагивали при каждом ударе моего пульса. Я вспомнила руку того мужчины. На его коже, прямо на венах, проступило мое имя. «Валерия». Он смотрел на эти буквы так, будто я лично выжгла их на нем в качестве проклятия.

— Если есть вход, должен быть и выход, — прошептала я в пустоту комнаты, стараясь придать голосу уверенности, которой не чувствовала. — Физика, магия, да хоть чертова ды-

ра в пространстве — если я провалилась сюда, значит, этот путь существует. Нужно только договориться с этим черно-волосым мужчиной, — повторила я как мантру, хотя голос предательски дрогнул.

А что, если он действительно правитель всего этого безумия? Боже, Лера, ты только что назвала императора драконов «высокомерной ящерицей»! Да еще и при свидетелях, при его страже. Остается только надеяться, что он мечтает избавиться от этой татуировки так же сильно, как я — вернуться домой. Мы оба пострадавшие в этой магической аварии.

Я встала с пола и решила наконец внимательно оглядеться в своей тюрьме, хотя, по совести сказать, на камеру это было мало похоже. Если бы не осознание того, что я заперта на высоте птичьего полета, я бы решила, что попала в номер какого-то очень тематического отеля.

Это была просторная круглая комната, высеченная из того же темного камня, который я видела в тронном зале. Стены были завешаны тяжелыми гобеленами, где золотыми и алыми нитями были вышиты крылатые существа, изрыгавшие пламя, — их застывший огонь был единственным ярким пятном в помещении. Огромная кровать казалась целым островом в комнате.

В стене чернел зев камина, высеченный в форме разинутой драконьей пасти. Огня в нем не было, и от пустых каменных челюстей веяло могильным холодом, будто дракон

застыл в безмолвном крике. Я поежилась: без камина ледяное дыхание гор проникало даже сквозь толстые стены башни, напоминая, что я здесь — лишь нежеланная гостья.

Мне казалось, что прошло уже несколько часов, хотя на самом деле не миновал и часа. Время в этой каменной тишине тянулось, как густая патока, заставляя меня снова и снова прокручивать в голове события этого безумного дня. Когда за дверью послышались шаги, я непроизвольно задержала дыхание, ожидая увидеть императора с новыми вопросами или... хуже.

Но створки распахнулись, и в комнату вошла невысокая девушка с серебряным подносом в руках. От него исходил дразнящий аромат чего-то мясного и пряного, от которого мой желудок предательски сжался — я и забыла, что последним моим ужином в Москве была лишь бутылка вина.

Следом за ней бесшумно зашли еще двое слуг-мужчин, неся в руках целый ворох тканей. Служанка поставила поднос на массивный стол, а мужчины аккуратно разложили принесенные вещи на краю кровати.

— Мне приказано позаботиться о вас, — тихо произнесла девушка, приседая в коротком поклоне. В ее глазах читалось неприкрытое любопытство. — Меня зовут Айна. Я ваша личная помощница на время пребывания в Западной башне.

Я не успела ничего ответить, как Айна уверенно подошла к холодному камину, чья драконья пасть всё ещё пугала ме-

ня своей чернотой, достала из кармана фартука небольшой тускло светящийся шар, размером не больше грецкого ореха, и легким жестом бросила его прямо в пустой зев камина.

Моментально, без всяких щепок или бумаги, внутри вспыхнуло яркое оранжевое пламя. Оно с веселым треском охватило дрова, которых там секунду назад даже не было, и по комнате тут же начало разливаться живительное тепло.

— Но... как? — выдохнула я, непроизвольно делая шаг вперед. — Без спичек? Что это за штука?

Айна обернулась и едва заметно улыбнулась, явно забавляясь моей реакцией.

— Это огненная искра, госпожа. Она будет греть комнату до самого утра.

Я сглотнула. Еще одно доказательство, что физика моего мира здесь не работает.

— Вам стоит переодеться, — сказала Айна, указывая на разложенные на кровати вещи. — Здесь, на вершинах, в вашей одежде можно простудиться.

— Хорошо, — я не видела смысла препираться, я и вправду стала подмерзать, да и мой домашний наряд в этих декорациях смотрелся до нелепого глупо. — Но я сама.

Пока я перебирала платья, пытаюсь выбрать самое простое, меня не покидало ощущение, что каждое из них весит добрую тонну. Плотный шелк, подкладка из тонкой шерсти, тяжелая вышивка — как они вообще здесь в этом ходят?

Я искоса взглянула на Айну, которая терпеливо ждала у

камина. «Почему бы не воспользоваться возможностью и не расспросить её?» — мелькнула дельная мысль.

— Айна, — я наконец-то выбрала более-менее простое платье темно-синего цвета, которое хотя бы не тянуло меня к полу своим весом, — скажи, а где мы вообще находимся? Что это за место?

Я стала натягивать платье, борясь с непривычно узкими рукавами. Ткань была плотной и совсем не тянулась, в отличие от привычного трикотажа. Девушка, заметив мои потуги, мягко подошла ближе.

— Позвольте помочь, госпожа, — она ловко помогла надеть платье, и пока я, извиваясь, стягивала из-под подола свои многострадальные штаны с барашками, Айна ответила: — Вы в Империи Драконов Вермиллиос, а точнее — в Сердце Драконьего Пика.

— А тот мужчина? Тот, кто приказал запереть меня здесь. Кто он?

— Это Его Величество Гелион Арктарский, — в голосе Айны прозвучало благоговение, смешанное со страхом; она понизила тон. — Черный Дракон, один из последних истинных владык пламени и верховный Император Вермиллиоса. В его жилах течет первородный огонь.

«Гелион». Оно звучало как само солнце — обжигающее, величественное и смертельно опасное для любого, кто посмеет подойти слишком близко. Это имя отозвалось в моей груди странной, почти физической вибрацией, и метка на за-

пятье мгновенно запульсировала в ответ, словно подтверждая правоту моих мыслей.

— Он... он всегда такой? — я замялась, подбирая слова.

— Ну, запирает людей в башнях? Я теперь пленница?

— О нет, госпожа, что вы! — Айна испуганно округлила глаза и замахала руками, словно я произнесла нечто кощунственное. — Вы вовсе не пленница. У тех, кого держат в подземельях, нет ни мягких кроватей, ни шелковых нарядов... и уж точно у них нет личных служанок, обязанных исполнять каждое их желание. То, что он приказал привести вас именно сюда — высший знак его... — она замялась, подыскивая слова, — его личной заинтересованности в вашей безопасности.

Айна удалилась, напоследок напомнив, что ужин остывает.

Я опустилась на стул, и низ платья зашуршал, заполняя тишину комнаты. От тарелки исходил божественный аромат, но аппетит пропал. Все мои мысли были заняты Императором.

Что теперь будет, когда он окончательно признает подлинность метки? Стану неоспоримым фактом, с которым ему придется считаться вопреки своей воле.

Если для него эта связь — не романтическая легенда, а опасная брешь в броне, то мое положение здесь становится незавидным. Я посмотрела на свое запястье, где словно издевательски смотрел дракон. Кажется, сама того не ведая,

я превратилась в главную слабость самого могущественного существа в этом мире.

Глава 6 Дракон-Император

Съев, всё-таки, пару кусочков нежного мяса — силы мне ещё понадобятся, — я перебралась на кровать. Она была пугающе мягкой, совсем не похожей на диван, на котором я засыпала у подруги.

Я сидела, уставившись на камин. И что теперь? Попытаться уснуть или сидеть здесь и ждать своего «тюремщика»? Сама мысль о сне казалась кощунственной: как можно закрыть глаза в месте, где за окном летают драконы?

Мои раздумья прервал резкий звук — дверь распахнулась, и в комнату вошёл Гелион. Я вздрогнула, но заставила себя остаться на месте, не вскакивая и не выказывая страха. Внешне я старалась казаться спокойной, хотя сердце в груди колотилось так сильно, что, казалось, удары отдавались в горле.

Он остановился прямо напротив меня, сканируя взглядом. Когда тишина стала совсем невыносимой, давя на уши не хуже горного воздуха, я не выдержала.

— Вы собираетесь стоять так до рассвета? — мой голос прозвучал на удивление твёрдо. — Или ваш «план по запугиванию шпионок» включает в себя многочасовое молчание?

Гелион едва заметно сузил зрачки, сделал стремительный шаг вперёд, сокращая дистанцию так резко, что я невольно

затаила дыхание, но не отвела взгляда.

— Ты слишком смелая для той, кто не понимает, где находится, — его голос прозвучал низко, вибрируя в самом воздухе. — Или слишком глупая.

— Я аналитик, Гелион, — я намеренно произнесла его имя, заметила, как он вздрогнул — видимо, в этом мире мало кто осмеливался называть его так просто, без титулов. — Я работаю с цифрами и фактами.

Сделав глубокий вдох, стараясь, чтобы голос не дрожал, и продолжила:

— Факт первый: я не имею отношения к вашим политическим играм и оказалась здесь случайно. Факт второй: я пришла из Москвы — города, где плотность населения составляет пять тысяч человек на квадратный километр, и никто из них не умеет летать. Факт третий...

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— ...шпионы не называют императоров «ящерицами». Они стараются втереться в доверие, а не выпрашивают смертный приговор в первые пять минут знакомства.

— Пять тысяч человек? — он издал короткий смешок. — Столько людей не живёт во всех моих гарнизонах. Ты либо безумна, либо твоя ложь настолько грандиозна, что заслуживает уважения.

Он внезапно перехватил мою левую руку, рывком задирая рукав. Его пальцы были обжигающими, но на этот раз боль была другой — она не пугала, она прошивала тело током,

концентрируясь где-то внизу живота. Что за чертовщина?

— Смотри на это! — приказал он, указывая на чёрного дракона на моём запястье. — Моя печать. Истинности не существует, Валерия! Это сказки для неоперившихся драконов, миф, который выдумали поэты, чтобы оправдать слабость!

— В моём мире тоже не существует чёрных татуировок, которые появляются сами по себе за пять секунд, — я попыталась высвободить руку, но он держал крепко, заставляя меня смотреть на пульсирующее имя «Валерия» на его собственном запястье. — Но вот она. Может, вам стоит перестать рычать и найти решение этой аномалии?

Он замер, глядя на меня сверху вниз. Его дыхание стало прерывистым. Я видела, как его взгляд переместился с моего запястья на моё лицо, задерживаясь на губах, потом на глазах. Ярость в его глазах начала трансформироваться во что-то иное — тяжёлое, густое, от чего воздух в комнате будто изменился, стал плотнее, труднее для дыхания.

Внезапно он отпустил мою руку и сделал шаг назад, словно испугавшись собственной реакции. На его лице промелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Почему ты не боишься меня? — спросил он с искренним недоумением.

— Боюсь, — честно призналась я. — Мои показатели адреналина сейчас явно превышали норму. Но страх мешает анализу. А мне нужно понять, как вернуться домой.

Гелион отвернулся и подошел к камину, упершись руками в выступ. Его спина была напряжена так, что я видела рельеф мышц под тканью рубашки.

— Ты не вернешься, — отрезал он, не оборачиваясь. — Если мир притянул тебя сюда, значит, ему что-то от тебя нужно. Или... — он замолчал, и пламя в камине вдруг взметнулось вверх, обдавая комнату жаром. — Или мне что-то от тебя нужно. И это злит меня больше всего.

Я смотрела на его напряженную спину и чувствовала, как внутри всё переворачивается. «Злит его... — эхом отозвалось в голове. — Как будто я в восторге от этой ситуации».

Я невольно вспомнила те немногие фэнтези-романы, что читала в метро по пути на работу. Там всё казалось таким возвышенным и простым: «истинная пара» всегда означала любовь с первого взгляда, предначертанную небесами гармонию и абсолютное принятие. Авторы описывали это как магическое притяжение, которое мгновенно исцеляет разбитые сердца и превращает двух незнакомцев в единое целое.

Сказочный бред.

В реальности — по крайней мере, в моей новой реальности — всё выглядело иначе. Вместо неземной любви я видела перед собой разъяренного правителя, который воспринимал меня как досадную помеху или неисправность в своей идеально выстроенной жизни. Никаких розовых лепестков и нежных признаний — только гнев, недоверие и взаимное недоумение.

— Истинность — это не благословение, — он медленно обернулся. Его лицо было бледным, а глаза — черными, без единой искорки. — Это цепь. Оковы.

Он подошел ближе, но на этот раз не агрессивно, а скорее устало.

— Это значит, что твоя жизнь больше не принадлежит тебе одной. Если ты умрешь — мой источник магии выгорит. Если тебе будет больно — я почувствую это. Ты стала моей величайшей слабостью, Валерия. И я ненавижу тебя за то, что ты существуешь, потому что теперь я уязвим.

— Значит, мы оба в ловушке, — тихо сказала я. — Вы — потому что связаны со мной, я — потому что не могу вернуться. Что вы намерены делать? Продолжать злиться или искать решение?

Гелион усмехнулся — горько, без радости.

— Пока я не выясню, как убрать это клеймо с моей и твоей кожи — ты останешься здесь. Под моим личным надзором. К сожалению, только Провидец может видеть нити судеб и понять, почему эта... связь образовалась.

— Провидец? — переспросила я. В голове мелькнул образ ярмарочной гадалки с мутным шаром, но серьезность Гелиона заставила меня отбросить скепсис. — Кто он? Местный предсказатель или тот, кто действительно видит будущее?

— Ледяной дракон, который живет на севере. Но мы с ними... не в тех отношениях, чтобы я мог просто прийти и попросить о помощи.

Он снова отвернулся и направился к выходу, но у самой двери остановился, не оборачиваясь.

— Тебе будет позволено выходить в сад, но только в сопровождении стражи. Не пытайся бежать, Валерия. В этом мире ты не выживешь без помощи. Хищники здесь не только летают. А я... — он замолчал, на секунду обернувшись — Я не позволю тебе погибнуть. Пока не найду способ стереть твоё имя со своей руки.

Гелион ушел, а я осталась сидеть на краю кровати. Его позиция была противоречивой: он утверждал, что я не смогу вернуться, но при этом сам жаждал от меня избавиться. Он называл меня слабостью, но обещал защищать.

Эмоционально нестабильный дракон-император.

Замечательно.

Я подошла к окну и посмотрела на огромную, чужую луну. Еще вчера я стояла под дождем, чувствуя себя подавленной из-за того, что очередные отношения пошли прахом. Я думала, что четыре коробки с моими вещами — это финал, конец очередной главы неудачной любви.

Но глядя на фантастический пейзаж за окном, я невольно усмехнулась. Кажется, мой разрыв с Димой закончился гораздо эпичнее, чем я ожидала: вместо депрессии я получила персонального императора-дракона, магическое клеймо на руке и билет в мир, где летающие рептилии — само собой разумеющееся.

Глава 7 Неожданное знакомство

Первая ночь в новом мире прошла в полузабытье. Проснувшись, я по привычке протянула руку к тумбочке, надеясь нащупать мобильник, чтобы проверить время и привычно пролистать уведомления. Но пальцы ощутили только пустоту и тяжелую ткань балдахина. Реальность обрушилась на меня вместе с утренним светом, пробивавшимся сквозь высокое окно башни.

Астелион. Летающие драконы. Магические татуировки.

В дверь негромко постучали, и в комнату вошла Айна, неся в руках новый наряд.

— Доброе утро, госпожа Валерия, — она аккуратно сложила платье на кресло в углу и подошла к камину, чтобы оживить огонь. — Завтрак будет подан через двадцать минут. Чем бы вы хотели заняться сегодня?

— Я хочу переговорить с Гелионом, — ответила я, окончательно стряхивая остатки сна. Вчера от шока я не спросила про библиотеку, и это упущение нужно исправить. Мне нужны книги.

— Правитель сейчас в тронном зале, принимает прошения, — мягко произнесла она. — Я обязательно передам ему вашу просьбу, как только представится случай. Но это может занять время... А пока, госпожа, как насчет прогулки по саду?

Я взвесила варианты. Спорить с Айной было бессмысленно — она всего лишь служанка, выполняющая приказы. К тому же, сад находился за пределами этих стен, а значит, давал шанс увидеть больше, чем вид из окна. Раз уж я оказалась в другом мире, почему бы не утолить интерес и не посмотреть, как этот мир выглядит на самом деле.

— Хорошо, Айна. Сад — так сад, — спустила ноги с кровати, подтягиваясь.

— Позвольте помочь вам с платьем, госпожа, — произнесла девушка, аккуратно расправляя ткань. — Стража будет ждать вас за дверью, когда вы будете готовы, и сопроводит вниз.

После умывания она помогла мне облачиться в наряд. Я уже поняла, что в этом деле без помощи не обойтись: изумрудное платье из плотной ткани с длинными рукавами сидело идеально, но требовало сноровки. Поверх платья Айна затянула черный корсет, который мгновенно заставил меня выпрямить спину, а в завершение образа добавила пару изящных серег.

Неужели Гелион не поскупился на неожиданную гостью? Весь этот образ — от дорогой ткани до украшений — выглядел слишком продуманным для простой пленницы. Слишком... презентабельным.

Спускаясь по винтовой лестнице из башни, я наконец смогла оценить масштаб цитадели при свете дня. Это было не просто здание, а триумф инженерной мысли и магии,

вгрызшийся в самое небо. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, а через арочные окна было видно, как в небе кружились драконы — не один, а целая стая, выполняющая сложные маневры. Стены украшала тончайшая резьба, изображающая не то созвездия, не то древние формулы.

Моё перемещение по замку больше походило на конвоирование ценного груза. Один охранник шёл впереди, молча указывая дорогу, а второй следовал за мной по пятам, страхуя тыл. Я чувствовала его взгляд на своей спине — он шёл достаточно близко, чтобы я не забывала: сбежать из этого лабиринта мне не дадут.

Когда мы наконец вышли на открытый воздух, я невольно замерла. Это не был сад в моём понимании. Здесь не было привычной зелени или нежных оттенков. Растения здесь походили на застывшие вспышки огня: листья кустарников были жёсткими, багровыми и золотыми, а цветы напоминали глубокие чаши, наполненные чем-то светящимся.

Он располагался на широкой террасе, буквально нависающей над бездной. Глядя на то, как край площадки обрывается в океан облаков, я поняла, почему стражники позади ослабили бдительность и держались в отдалении — отсюда можно было уйти только двумя путями: обратно в башню или в вечность.

В центре я остановилась у фонтана, в котором вместо воды пульсировала густая, похожая на жидкий мед субстанция.

Она переливалась под лучами яркого солнца, лениво стекая по каменным чашам, и не издавала ни единого всплеска.

Обойдя фонтан и отправившись дальше по тропинке, я не успела сделать и десяти шагов, как из-за поворота, скрытого густыми кустами, бесшумно вышла девушка. На ней было длинное платье глубокого бордового цвета с вызывающе глубоким декольте и разрезом от самого бедра, который при каждом шаге обнажал ее стройную ногу. Ее ярко-рыжие волосы огненным водопадом спадали на плечи, а неестественно яркие глаза светились холодным блеском.

Она остановилась в паре метров от меня, преграждая путь и буквально заставляя меня замереть. Девушка смотрела на меня так, словно изучала диковинное насекомое, случайно залетевшее в её личный заповедник. Её взгляд медленно и придиричиво проскользил по моему изумрудному платью, оценивая стоимость ткани и крой.

Сама не зная почему, я остро почувствовала, что этой женщине мою метку лучше не видеть, поэтому скрестила руки, пряча запястье с драконом. От неё исходила волна такой явной неприязни и превосходства, что мой аналитический мозг тут же выдал результат: передо мной не союзница и даже не случайная прохожая. Это была хищница, защищающая свою территорию.

— Так вот ты какая... нежданная гостья, — её голос был низким и тягучим. — Я ожидала кого-то более... величе-

ственного. А ты выглядишь как напуганный ребенок, заблудившийся в лесу.

Я выпрямилась, вспомнив, как на работе не раз отбивалась от хамоватых клиентов и высокомерного начальства. Принцип везде один: не показывай страх, иначе сожрут.

— Внешность часто обманчива, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А вы, простите, кто? Местный ландшафтный дизайнер?

Женщина прищурилась, и её глаза на мгновение вспыхнули недобрым янтарным светом.

— Я — Изольда, — произнесла она так, будто это имя должно было заставить меня упасть ниц. — Любимая фаворитка правителя Гелиона и его будущая жена, та, что станет полноправной королевой этих земель, когда придет срок.

Кому, как не мне, могло так «повезти»? Даже если меня забросит в другое измерение или к инопланетянам, я всё равно умудрюсь вляпаться в классическую любовную драму. Четыре неудачных разрыва в Москве мне, видимо, показалось мало — теперь я официально стала «той самой третьей лишней» в жизни чешуйчатого императора.

— Рада за вас, Изольда, — произнесла я, сохраняя на лице маску вежливого безразличия. — У вас, должно быть, очень крепкие нервы, раз вы планируете связать жизнь с человеком... простите, с драконом такого сложного темперамента. Но должна вас разочаровать: я не претендую ни на ваши земли, ни на вашего будущего супруга.

— Ты здесь временное недоразумение, экзотическая игрушка. — Изольда сделала шаг ближе, и я почувствовала, как от нее повеяло сухим, обжигающим жаром. — Драконы ценят силу и чистую кровь, человечка! В моих жилах течет пламя древнего рода.

— Ваша уверенность в собственной исключительности впечатляет, — ответила я, слегка приподняв бровь. — Но мне интересно: с чего вы вообще взяли, что я претендую на вашу... «собственность»? Мое присутствие здесь обусловлено совсем другими причинами.

— Слухи распространяются быстро. Если ты думаешь, что тебя поселили в личное крыло правителя и это дает тебе какие-то права, то ты глубоко ошибаешься. Запомни: Гелион мой. Каждая чешуйка на его крыльях, каждая капля огня в его крови принадлежит мне.

Она подошла почти вплотную, и я почувствовала приторный запах её духов, смешанный с чем-то горьким.

— Наслаждайся прогулкой, Валерия. И молись, чтобы Гелион нашел способ поскорее отправить тебя туда, откуда ты появилась. Потому что, если ты останешься... — дополнила почти возле самого уха шепотом, — я сделаю твою жизнь здесь коротким и очень болезненным кошмаром.

Она развернулась и ушла, не дожидаясь ответа. Её походка была идеальной — гордой, уверенной, чеканной, как будто она уже носила корону.

«На меня объявили охоту», — пронеслось в голове, и по

спине пробежал неприятный холодок, несмотря на теплый воздух сада.

Я посмотрела на свое запястье. Черный дракон под кожей пульсировал, словно предупреждая об опасности. В этот момент я почувствовала на себе чей-то взгляд. Подняв голову, я увидела Гелиона. Он стоял неподвижно на балконе, сложив руки на груди. Расстояние было значительным, но у меня не было сомнений: он был свидетелем этой сцены и ничего не сделал, чтобы вмешаться.

Хотел посмотреть, как иномирянка справится с его разъяренной фавориткой? Или надеялся, что Изольда сделает за него грязную работу?

Я не отвела взгляда. Напротив, расправила плечи и заставила себя смотреть прямо на него. Если этот «черный дракон» думает, что я сейчас расплачусь и побегу просить у него помощи, то он глубоко заблуждается.

Глава 8 Магия слов

Настроение после стычки с Изольдой скатилось вниз. Я шла по садовой дорожке, едва замечая красоту огненных растений, а внутри всё кипело от глухого, непонятного раздражения. Злилась я вовсе не на рыжую фурию, а на Гелиона.

Это было глупо и нелогично. Мой аналитический ум твердил: «Лера, остынь. Тебе должно быть абсолютно всё равно, с кем он развлекается и на ком собирается жениться». Но чем громче звучал этот «разумный» голос, тем сильнее меня бросало в противоположную сторону — туда, где логика уступала место эмоциям.

Решив, что на сегодня впечатлений достаточно, направилась в свои покои. В дверях я едва не столкнулась с Айной.

— Госпожа, Повелитель будет ожидать вас вечером в малой трапезной, — сообщила она, придерживая дверь.

— Надеюсь, там не будет его «будущей жены»? — язвительно уточнила я, чувствуя, как внутри всё ещё клокочет раздражение. — Мне на сегодня вполне хватило одной порции багряных взглядов.

— Его Величество пожелал поужинать с вами наедине, госпожа, — Айна едва заметно склонила голову. — Никого из приближенных там не будет.

Оставшись одна, я весь остаток дня провела в нервной подвешенности. Я мерила комнату шагами, злясь на Гелиона

за его молчаливое наблюдение с балкона, но ещё больше — на саму себя. Какого чёрта меня вообще это задело? Какое мне дело до его фавориток и местных интриг?

Но хуже всего была эта дурацкая магия. Стоило мне подумать о предстоящем вечере, как пульс предательски ускорился, а метка на запястье начинала вибрировать, словно отвечая на невидимый зов. Это злило до зубовного скрежета: тело и чувства больше мне не подчинялись, вовлекая в игру, правил которой я не знала.

Переодевшись по настоянию Айны в другое платье — на этот раз из мягкого бархата цвета ночного неба, которое, по её словам, «соответствовало этикету малых приемов», — в сопровождении своих неизменных провожатых отправилась в трапезную. Стражники довели меня до массивных дверей и замерли по бокам, пропуская меня внутрь.

Гелион уже сидел за столом. В приглушенном свете он казался менее официальным, но не менее опасным. Он сидел, откинувшись на спинку резного стула, и задумчиво крутил в руках бокал, наполненный вином.

Сейчас, когда он не скалился, не рычал и не излучал открытую агрессию, я поймала себя на крайне неуместной мысли: он был чёртовски привлекательным мужчиной. В нём чувствовалась дикая, агрессивная мужественность, которая не имела ничего общего с ухоженными московскими парнями. Резкие линии скул, волевой подбородок, плечи, скрытые под тканью рубашки... и во взгляде — та уверенность, с ко-

торой люди не спорят. Я невольно задержала взгляд дольше, чем следовало бы.

Но стоило ему почувствовать мое присутствие и поднять взгляд, как я тут же опомнилась. Мгновенно натянув на лицо маску холодного безразличия, отвела глаза и принялась с преувеличенным интересом рассматривать комнату.

Малая трапезная на поверку оказалась вовсе не малой. Просторное помещение дышало строгим благородством. Стены из темного камня были украшены резными панелями: переплетающиеся стебли, диковинные цветы и горные хребты — всё это заслуживало восхищения.

В центре расположился длинный стол из цельного куска отполированного дерева. Его зеркальная поверхность была накрыта лишь на двоих, отчего оставшееся пространство казалось бескрайним. Несмотря на пугающую пустоту, стол ломился от яств: запеченное мясо с пряными травами, необычного вида овощи, экзотические фрукты, истекающие соком.

— Садись, Валерия, — Гелион не поднялся, лишь указал на место по правую руку от себя.

— Спасибо, — сухо ответила я, даже не взглянув на приборы. — Но прежде, чем мы приступим, я бы хотела обсудить условия моего пребывания здесь.

Он приподнял бровь, не прекращая изучать меня своим тяжелым, пронизывающим взглядом. Его рука с бокалом замерла.

— Условия? Ты в том положении, чтобы их ставить?

— Я в положении человека, которому нужны ответы, — отрезала я, глядя ему прямо в глаза. — Если вы действительно утверждаете, что я не смогу вернуться, хотя мне бы хотелось самой в этом убедиться... Мне нужна информация. Доступ в библиотеку.

Гелион медленно поставил бокал на стол, подался вперед, и я почувствовала исходящий от него жар.

— Убедиться, что я не лгу? — его голос стал тише, приобретая опасную бархатистость. — Твоя прямолинейность, Валерия, граничит либо с невероятной храбростью, либо с полным отсутствием инстинкта самосохранения. В Вермиллиосе никто не смеет подвергать сомнению слово Императора.

Я не отвела взгляда, хотя пульс на запястье предательски участился, отзываясь на его близость.

— Вы верно забыли, что я не ваша подданная, — парировала я. — Называете меня своей «цепью» и «слабостью», при этом собираетесь держать меня в информационном вакууме? Если я действительно заперта в этом мире, хочу понимать его механику. Библиотека — это не прихоть, это единственный способ для меня перестать быть слепым котенком.

Гелион на секунду задумался, а затем медленно усмехнулся, и в его глазах промелькнуло нечто похожее на неохотное уважение, как будто он неожиданно заметил во мне не только недоразумение, но и личность. Он откинулся на спинку,

задумчиво постукивая пальцами по столешнице.

— Хорошо, — произнес он после долгой паузы, и звук его пальцев по дереву наконец прекратился. — Попросишь служанку, она тебя проводит. Есть ещё какие-то требования?

— Может быть, в вашей моде есть не только платья? — указала на тяжелую ткань юбки. — Это же просто издевательство какое-то.

Гелион на мгновение замер, и я готова была поклясться, что в его глазах промелькнула искра подлинного недоумения, которая тут же сменилась иронией.

— Лучшие ткачи Империи трудились над этим платьем, Валерия. Это символ статуса. Любая дама была бы счастлива носить такое.

— Как же мобильность и комфорт? В этом наряде я чувствую себя так, будто на меня надели палатку. Плотную, дорогую, но совершенно неповоротливую палатку. Как я, по-вашему, должна передвигаться по вашим бесконечным лестницам, не боясь оступиться о собственный подол?

— Распоряжусь, чтобы тебе принесли одежду для верховой езды. У некоторых драконов жены не из той же расы, для полетов используют брюки из мягкой кожи и туники. Это... менее торжественно, но, полагаю, ты оценишь отсутствие лишних метров ткани.

— А вы всё-таки способны на конструктивный диалог, — я позволила себе легкую, почти незаметную улыбку, чувствуя, как напряжение в плечах немного спадает. — Это зна-

чительно упростит наше сосуществование.

— Не обольщайся, Валерия. Моё решение продиктовано исключительно здравым смыслом.

Он указал на тарелку, с которой всё ещё поднимался пар.

— Ешь. Если ты собралась штурмовать библиотеку, тебе понадобится не только подходящий вид, но и силы.

Я наконец взяла приборы, ощущая, как эта маленькая победа в диалоге придаёт уверенности, словно я впервые в этом мире получила право на контроль хоть над чем-то. Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь тихим перезвоном серебра о тарелки, как будто между нами легло хрупкое перемирие.

Глава 9 Накал

Когда с основным блюдом было покончено и подали десерт — нечто вроде запеченных в меду фруктов, пахнущих корицей, — Гелион прервал затянувшееся молчание. Он отодвинул бокал в сторону и внимательно посмотрел на меня, сложив пальцы в замок.

— Видел твою прогулку в саду, — начал он, и в голосе звучало искреннее любопытство. — Твоё самообладание... оно нетипично.

Я замерла с десертной ложкой в руке. Значит, мы не будем делать вид, что ничего не произошло? Он открыто признает, что следил за мной, пока его фаворитка смешивала меня с грязью.

— Ваш сад очень живописен, — ответила я, стараясь сохранить голос нейтральным, — но местная фауна ведет себя крайне агрессивно. Особенно та её часть, что носит бордовое платье и претендует на вашу корону.

— Изольда — огненный дракон, и мы... иногда проводили время вместе, — произнес он, и в его тоне промелькнула странная нотка, будто он пытался оправдаться. — Но я никогда не давал ей повода рассчитывать на что-то большее.

— Ваша личная жизнь — это ваше дело, Гелион, — парировала я, глядя ему прямо в глаза. — Но факт остается фактом: она считает себя вашей будущей королевой.

— Она дочь лорда Горных Пиков, — Гелион нахмурился, откидываясь на стул. — Могущественный и древний клан. Вероятно, именно это подогревает в ней мысль, что она — единственная подходящая мне пара.

— Значит, вы собираетесь жениться на ней, имея на руке моё имя? — я не выдержала и указала на его запястье. — Как вы это себе представляете?

— Я вообще не собирался связывать себя брачными узами, — отрезал он, и в его голосе зазвучал холодный металл.

Но я уже почти не слышала его. Во мне поднялась волна неконтролируемой злости и какой-то дикой, необоснованной ревности, которую я не могла подавить. Сама не понимая, что творю, я продолжила, повысив голос:

— И как это будет выглядеть? Будете стоять у алтаря с одной, пока ваша магия будет тянуть вас к другой? Или прикуете себя к человеку, которого ненавидите за сам факт его существования, и при этом продолжите делить постель с фавориткой?

Я резко отодвинула стул, и ножки с противным скрежетом проехали по каменному полу. Вскочив, принялась мерить шагами пространство, не в силах больше сдерживать ядовитую иронию.

— Какая удобная позиция! — я всплеснула руками, напрочь забыв о правилах этикета и о том, что передо мной сидит правитель целой империи. — «Я не собирался связывать себя узами», но при этом позволяю фаворитке метить

территорию и строить планы на будущее. Знаете, Гелион, вы просто плывете по течению.

Я остановилась, тяжело дыша.

— Планировали и дальше жить в этом комфортном болоте: сидеть на троне, иметь удобную партию под боком. А тут — бах! — и истинность. Я не буду частью вашего гарема.

— Хватит! — рыкнул он, ударяя кулаком по столу и вставая. — Хватит рассуждать о моей жизни! Ты понятия не имеешь, каково это — быть правителем народа, который признает только силу. Если я покажу слабость, если я признаю, что моя судьба зависит от девчонки, которая не может даже разжечь огонь в камине без спичек...

— Я не просила переносить меня сюда! Не просила это чертово клеймо на руку! Я жила нормальной жизнью, пока вы и ваш мир не решили использовать меня как... как что?

— Как ту, без которой мое пламя выжжет меня изнутри! Ты думаешь, мне нравится этот поводок? Думаешь, я в восторге от того, что теперь каждый твой вздох отзывается в моей крови?

Он встал напротив меня, почти вплотную, выговаривая мне в лицо:

— Ты — словно яд! Каждую секунду я чувствую твой пульс в своих венах. Я слышу, как ты дышишь через три этажа замка. Я чувствую, как ты злишься, как ты боишься... И это сводит меня с ума! Мой дракон больше не хочет Изольду. Плевать хотел на политику. Он хочет тебя, Валерия! Он

хочет выжечь всё, что стоит между нами!

Он тряхнул меня за плечи, и я почувствовала, как по телу пробежала мощная волна тока. Это не была боль. Это было странное, пугающее узнавание, от которого подкосились ноги. Моя метка на запястье начала пульсировать в такт его бешеному сердцу, становясь горячей.

— Тогда почему вы боретесь? — мой голос сорвался на шепот. Я видела, как зрачки сменились ромбовидным золотом, чувствовала запах дыма, исходящий от его кожи. — Если ваша магия мира говорит, что мы — одно целое...

— Потому что я не хочу быть рабом! — прохрипел он, и его голос сорвался. — Я не хочу чувствовать эту потребность в тебе. Это унижительно.

Он замолчал, пытаясь выровнять рваное дыхание. Его взгляд лихорадочно метался по моему лицу и в конце концов замер на губах. Пальцы скользнули вверх, к шее, и большой палец почти невесомо коснулся бьющейся жилки на виске. Склонившись, он с шумом втянул воздух, едва касаясь кончиком носа моей кожи.

Меня словно прошило молнией. От этого простого касания мир вокруг перестал существовать. Стены зала, камин, свет — всё исчезло. Остались только его глаза и этот невыносимый жар, который согревал изнутри.

— Ты пахнешь дождем, — выдохнул он, и его ярость внезапно сменилась глубокой, почти болезненной нежностью. — В мире вечного огня... ты — единственный глоток про-

хлады. И я ненавижу себя за то, как сильно я в нем нуждаюсь.

— Гелион... — я попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле. Вся моя рациональность рассыпалась в прах под его пульсирующим драконьим взглядом.

— Молчи, — приказал он, и этот шепот вибрировал прямо у моих губ. — Просто молчи.

Он медленно, словно борясь с невидимыми оковами, наклонился ниже. Я видела, как дрожат его ресницы. Мои руки сами собой поднялись и легли ему на грудь, чувствуя под ладонями бешеный, неритмичный стук сердца.

— Это ошибка, — прошептала я, пытаюсь вразумить его, а сама желала, чтобы он преодолел последние сантиметры. — Огромная, нелогичная ошибка...

— К черту твою логику, — ответил он и накрыл мои губы своими.

Это не было похоже на поцелуй в привычном понимании. Это был взрыв. Вкус терпкого вина, горького дыма и абсолютного, первобытного отчаяния. В ту же секунду метка на моем запястье вспыхнула так ярко, что свет, казалось, пробился сквозь закрытые веки.

Гелион глухо застонал, прижимая меня к себе с такой силой, что я почти перестала чувствовать землю под ногами. Его поцелуй был требовательным, собственническим и жадным. Он словно пытался выпить меня до дна, чтобы лишить нас обоих этой мучительной жажды, которую невозможно

было утолить словами.

Когда он отстранился, его лицо было искажено мукой. Золото в его глазах горело так ярко, что на него было больно смотреть. Он отпустил мои плечи так резко, будто обжегся.

— Иди к себе, — приказал он, и его голос был похож на скрежет камня о камень. — Живо. Уходи, Валерия, пока я не сделал то, о чем мы оба будем жалеть.

Я стояла будто в трансе, прижимая пальцы к губам, которые всё еще горели от его прикосновения.

— Уходи! — рявкнул он, так что я вздрогнула. Факелы на стенах взметнулись, выбрасывая языки пламени под самый потолок.

Развернувшись, я выбежала из зала, путаясь в тяжелом подоле платья. Ноги сами несли меня по бесконечным коридорам, пока я наконец не ворвалась в свою комнату. Захлопнув дверь, я привалилась к ней спиной и сползла на пол, пытаясь унять бешеную дрожь в руках.

В голове был полный хаос. Весь мой привычный мир, весь здравый смысл рассыпались в прах после этого поцелуя. То, что произошло между нами в трапезной, было не просто вспышкой страсти.

Я посмотрела на своё запястье. Метка всё ещё слабо пульсировала в такт моему сердцу. Этот рисунок был словно невидимый канат, который затягивается всё туже с каждым вздохом, притягивая нас друг к другу.

Глава 10 Гадость

Тяжело плюхнувшись на кровать, я уставилась в балдахин, чувствуя, как губы всё ещё покалывает от его поцелуя.

«Серьезно, Лера?» — в голове вдруг прозвучал язвительный, почти садистский внутренний голос. — «Ты предложила ему поверить в истинность, и что? Ты реально надеялась, что он в моменте вспыхнет к тебе любовью, упадет на колени и пообещает вечное счастье? Ты настолько отчаянно хочешь почувствовать себя нужной хоть в каком-то мире, что перепутала первобытный инстинкт с чувствами?»

Закрыв глаза, я почувствовала, как к горлу подкатывает тугой комок. Этот поцелуй не был признанием — это был выстрел ярости, акт отчаяния, реакция дикого зверя. В какой-то момент казалось, что между нами действительно возникло что-то настоящее, что-то живое. Но теперь я понимала: это была иллюзия.

Устав перебирать этот клубок мыслей, я решила просто лечь спать. Завтра будет новый день, и я искренне надеялась, что утреннее солнце как-нибудь выстроит всё в более понятную структуру.

Я проснулась среди ночи от странного, противоестественного холода. В комнате царила темнота, лишь угли в камине едва тлели багровым пунктиром, совершенно не давая тепла. Первой мыслью было: неужели Айна забыла подпитать

камин магическим огнем?

Пытаясь сориентироваться, приподнялась на локтях, чтобы сесть, но моя ладонь наткнулась на что-то. Влажное. Скользкое.

Сердце пропустило удар и забилося чаще. Осторожно, очень медленно, боясь даже шелохнуться, перевела взгляд на руку, и в слабом, умирающем отсвете луны я увидела это.

Огромная, длиной почти с мою руку, многоножка, покрытая серой слизью. Её панцирь состоял из множества грязно-белых, как будто выцветших сегментов, и весь организм продолжал медленно, почти бесшумно, перебирать сотнями лапок по моей постели, оставляя за собой след из слизи. Тварь приближалась к моей подушке — туда, где ещё минутой назад было моё лицо.

Воздух застрял в лёгких ледяным комом. Секунда абсолютного, звенящего оцепенения сменилась животным, первобытным ужасом, который вырвался наружу без моего согласия.

— А-А-А-А-А-А! — мой крик разорвал тишину башни, вибрируя запредельным страхом.

Отпрянув, я тут же с глухим стуком свалилась на пол, продолжая кричать и отползать к стене. Тварь в ответ зашипела — звук был похож на свист раскаленного металла, погруженного в воду — и прыгнула вслед за мной, извиваясь всем своим мерзким телом.

Вжавшись спиной в холодную стену, я судорожно хватала ртом воздух, пропитанный запахом гнили. Многоножка приподняла переднюю часть тела, качаясь слепо, как будто у неё не было глаз, но была какая-то жуткая чувствительность к звуку и к теплу живого тела. Жвалы существа раскрылись, обнажая острые, как стекло, края, с которых на пол тягуче капнула серая жижа. Капли с шипением проедали ворс ковра.

Дверь в спальню не просто открылась — она вылетела с петель, разлетаясь в щепки под мощным, направленным ударом. В комнату ворвался Гелион, в одних штанах, босой, с растрёпанными волосами. В его руках уже сформировался огненный шар, освещающий комнату неживым светом.

— Валерия! — его голос был похож на удар грома, от которого задрожали стены.

Мгновенно оценив ситуацию, одним коротким, выверенным взмахом руки он отправил сформированный огненный шар точно в цель. Тварь на полу вспыхнула ослепительным пламенем, не успев издать ни звука, превращаясь в горстку серого пепла прежде, чем её жвалы коснулись края моего ночного платья.

Я сидела на полу, и меня трясло так, что зубы выбивали чечётку. Слезы градом катились по щекам, застилая зрение.

— Убери... убери это... — всхлипывала я, указывая дрожащим пальцем на пепел, который всё ещё дымился.

Гелион в два шага оказался рядом. Он упал на колени,

буквально сгребая меня в охапку своими руками. От него исходил такой неистовый жар, что холод мгновенно испарился.

— Всё, — прорычал он, прижимая мою голову к своей тяжело вздымающейся груди. — Её больше нет. Тише, Валерия... я здесь. Я рядом.

Я вцепилась в его плечи, пряча лицо в его шее, чувствуя кожей его бешеный пульс. Под пальцами перекатывались его напряжённые, как стальные тросы, мышцы.

— Она коснулась тебя? Ты ранена?! — его голос вибрировал у самого моего уха, срываясь на рык, как будто ответ на этот вопрос был для него важнее всего на свете.

Я не смогла выдавить ни слова, лишь судорожно покачала головой, крепче зарываясь носом в его кожу, пахнущую озоном. Гелион не стал ждать объяснений. Одним слитным движением он подхватил меня под спину и бёдра, поднимая с пола так легко, будто я ничего не весила.

Развернувшись, стремительным шагом вышел из комнаты, неся меня на руках прочь от запаха гнили и серого пепла. Мы двигались по тёмным коридорам, мимо ошеломлённой стражи, которая при виде своего Императора в таком состоянии вжималась в стены.

— Это она... — выдохнула я в его кожу. — Твоя Изольда.

— Я разберусь, — его голос прозвучал низко и угрожающе.

Гелион не замедлил шаг, его руки сжимали меня с такой силой, будто он боялся, что я рассыплюсь пеплом, как то су-

щество в спальне.

— Если это её рук дело... Если она посмела использовать «ползуна гнили» в моём доме, никакое родство с Горными Пиками её не спасёт, — процедил он, и я почувствовала, как его грудная клетка ходит ходуном от тяжёлого дыхания, словно внутри сейчас боролась не только дракон, но и человек, который не терпит, когда кто-то вмешивается в его личное, в его пространство.

Мы вошли в новые покои. Это была огромная комната, выполненная в глубоких тёмных тонах: полированный обсидиан стен, тяжёлый бархат цвета ночного неба и мебель из чёрного дерева. Здесь пахло сандалом и тем самым озоном, который теперь навсегда ассоциировался у меня с Гелионом.

Он бережно, словно я была сделана из тончайшего хрупкого стекла, опустил меня на широкую кровать. Утонув в шёлковых простынях, он остался нависать надо мной, упираясь руками в матрас по обе стороны от моей головы. Его лицо было совсем близко, и я видела, как в его глазах всё ещё метались золотые искры угасающей ярости.

— Отныне ты будешь жить в моих покоях, — отрезал он. Его голос звучал хрипло, но в нем не было места для возражений. — Больше ни одной ночи ты не проведешь там, где моя стража просмотрела тeneвую тварь.

Несравнимое облегчение охватило меня. Но как только Гелион решил отстраниться, чтобы, вероятно, уйти и заняться расследованием, паника вернулась с новой силой. Стоило

ему на сантиметр отодвинуться, как тени по углам комнаты снова показались мне живыми, шевелящимися, будто в них таилось что-то большее, чем просто отсутствие света.

— Нет, не уходи, — выдохнула я, и моя рука сама собой метнулась к нему.

Я схватила его за запястье — пальцы сомкнулись прямо поверх моей именной метки. Он замер, глядя на мою руку так, будто я ударила его током. В комнате воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым дыханием.

— Пожалуйста... можешь немного полежать со мной? — прошептала я, и мой голос дрогнул. — Я не смогу закрыть глаза, если останусь одна.

Гелион смотрел на меня сверху вниз, и я видела, какая внутренняя борьба отражается на его лице. Каждая черта его облика кричала о желании сохранить дистанцию, остаться холодным правителем, не поддаваться эмоциям, но метка на его руке, пульсирующая под моими пальцами, диктовала иное.

Наконец он тяжело вздохнул, сдаваясь не мне, а самому себе, признавая поражение, лег рядом поверх одеяла и одним движением притянул меня к себе так, что моя голова оказалась прижата к его груди.

— Спи, Валерия, — прохрипел он, уткнувшись подбородком в мою макушку. Его рука тяжело легла мне на плечо, закрепляя нас в этом странном, вынужденном объятии. —

Клянусь, этой ночью даже тень не проскользнет мимо меня.

В его руках я наконец-то позволила себе закрыть глаза. Не потому, что вдруг перестала бояться. А потому, что поняла: пока он рядом — пока этот человек... дракон, держит меня в объятиях, как будто защищая не только тело, но и что-то ещё, более глубокое, — ничто здесь не посмеет причинить мне вред. По крайней мере, так мне хотелось верить.

Глава 11 Недоразумение

Проснувшись, я первым делом ощутила пустоту. Постель рядом уже остыла, и только примятая подушка напоминала о том, что ночное присутствие Гелиона не было плодом моего воображения. На кресле лежало очередное платье изумрудного цвета. Я тяжело вздохнула, искренне надеясь, что Гелион скоро сдержит обещание и мне выдадут практичный брючный костюм, в котором не нужно постоянно следить за подолом.

Облачившись в него и приведя себя в порядок, я вышла к стражникам. Они молча проводили меня в столовую, где, как я полагала, меня должен был находиться Гелион.

Но меня ждал сюрприз: дракон был не один.

Он сидел во главе стола с непроницаемым лицом, а по правую руку от него, как ни в чем не бывало, расположилась Изольда. Она что-то тихо, вкрадчиво шептала, подавшись к Гелиону слишком близко.

— ...и мой отец уверен, что расширение торговых путей через южные перевалы укрепит твою власть, — лился её голос, сладкий и густой, словно яд.

Гелион сидел неподвижно. Не отвечал, не улыбался, но и не прогонял её, что кололо меня куда сильнее, чем я была готова признать.

— Доброе утро, — мой голос прозвучал удивительно ров-

но, почти механически. — Надеюсь, я не помешала обсуждению особо важных государственных дел?

Гелион вскинул голову. Его глаза на мгновение вспыхнули тем самым золотом, которое я видела ночью, когда он прижимал меня к себе, но он тут же погасил этот свет, превращая взгляд в непроницаемую тьму. Изольда же замерла. Её лицо мгновенно утратило напускную нежность, сменившись выражением раздражения.

— Ты? — она вскинула идеальную бровь, оглядывая меня с ног до головы. — Что ты здесь делаешь? Почему эта девица не в лазарете?

Мне тоже хотелось бы знать, что эта девица делает за столом после её ночной выходки.

— Почему ей там быть? — голос Гелиона прозвучал низко и опасно, словно предупреждающий рык. — Надеюсь, что подкинутая тобою тварь доберется до девушки? Не слишком ли много ты на себя берешь, Изольда?

Та побледнела так резко, что её рыжие волосы на фоне кожи стали казаться кровавыми. Она на мгновение лишилась дара речи, глядя на Гелиона расширенными от ужаса и возмущения глазами.

— Гелион! — наконец выдохнула она, прижимая ладонь к глубокому декольте. — Ты обвиняешь меня? Свою верную союзницу, дочь твоего преданного вассала, ради этой... бескрылой? Как ты можешь думать, что я опущусь до подобной мерзости?

— Хватит играть этот спектакль, — отрезал он, и его голос зазвучал подобно раскату грома в закрытом пространстве. — Твоя служанка уже во всём призналась. Она оказалась не так верна тебе, когда столкнулась с допросом.

Изольда открыла рот, пытаясь что-то возразить, но Гелион перебил её, чеканя каждое слово:

— Не смей больше подходить к моей гостье. Не смей угрожать ей или пытаться навредить. Если я ещё раз замечу твою тень рядом с Валерией, я немедленно отправлю тебя из дворца в твоё родовое поместье под домашний арест. Не стоит играть на моём отношении к твоей семье и нашей многолетней связи. Я ясно выразился?

В столовой воцарилась мертвая тишина. Изольда переводила взгляд с разъяренного Императора на меня, и в её глазах теперь полыхала концентрированная ненависть.

— Предельно, — процедила она сквозь зубы.

Я потянулась к стакану, чувствуя, как в горле пересохло от накала услышанного диалога. Но стоило мне поднять руку, как рукав платья соскользнул вниз, обнажив левое запястье.

Угольно-черный дракон отчетливо виднелся на моей коже.

Взгляд фаворитки намертво приковался к моему запястью. Её глаза расширились, а губы слегка приоткрылись. Она пристально рассматривала татуировку, и я видела, как в её сознании складываются кусочки пазла: моё внезапное появление, особое отношение Гелиона, эта странная метка...

Я поспешно убрала руку под стол, но было уже поздно. Если она ещё не поняла, что означает этот рисунок, то это лишь вопрос времени.

— Прощу прощения, — преувеличенно вежливо произнесла она, медленно вставая. Голос её звучал неестественно ровно, но в глазах бушевала буря. — Мне внезапно стало нехорошо.

Она сделала формальный реверанс в сторону Гелиона, даже не взглянув на него, и вышла из зала, не оборачиваясь.

Мужчина не обратил на неё внимания — погружённый в свои мысли, он, кажется, не заметил того короткого мгновения, когда мой рукав предательски соскользнул и Изольда увидела чёрного дракона.

— Мне нужно улететь, Валерия, — произнес он как ни в чем не бывало, возвращаясь к деловому тону. — Отлучусь на пару дней к старейшему дракону нашего рода, который живет в уединении. Он должен помнить времена, когда магия истинности еще не была легендой. Если кто-то в этом мире и знает, как разорвать эту... — он запнулся на мгновение, — связь или хотя бы приглушить её воздействие, то только он.

— И чем же мне заниматься, пока ты ищешь свой магический ластик? — я горько усмехнулась.

— Ты хотела в библиотеку. Сариус обеспечит тебе доступ к любым архивам, кроме закрытых секций. Изучай наш мир.

— Как скажешь, Повелитель, — я встала, чувствуя, как в груди закипает холодная обида. — Пойду искать логику в

книгах. Раз уж в реальности её не осталось.

Аппетит пропал окончательно. Я направилась к выходу, стараясь держать спину прямой, но внутри всё переворачивалось. Казалось, мы откатились к «заводским настройкам»: он снова превратился в императора, который ненавидит саму суть моего существования и мечтает стереть меня из своей жизни, как досадную пометку в документе.

Но я же не придумала себе всё это! Вчера ночью он испугался — так искренне, так по-человечески. Я помнила, как дрожали его руки, как нежно и отчаянно он прижимал меня к себе, словно я была величайшим сокровищем, а не «слабостью». Помнила тепло его тела в постели и то, как он уткнулся подбородком в мою макушку, защищая от всего мира.

Куда это всё делось?

Уже в дверях меня остановил его голос.

— Кхм... Насчёт поцелуя. Ты же понимаешь, что это было всего лишь недоразумение?

Я замерла, так и не переступив порог. Эти слова ударили в спину резко и неожиданно больно. «Нedorазумение». Это сухое слово окончательно обесценило всё, что произошло между нами вчера.

Я медленно обернулась. Гелион сидел всё в той же позе, не глядя на меня. Он тщательно изучал содержимое своего кубка, словно там был прописан его план спасения, а не остатки вина.

— Разумеется, — я заставила себя улыбнуться, хотя внут-

ри всё саднило от этой внезапной пощёчины. — Обычный магический резонанс, умноженный на стрессовую ситуацию.

Я видела, как желваки на его лице на мгновение сжались, как будто мышцы отказывались подчиняться лжи, которую он сам себе навязывал, но он так и не поднял глаз.

— Хорошо, — коротко бросил он. — Иди.

Я стояла в коридоре, прислонившись спиной к стене, и пыталась унять дрожь в руках. В груди всё кипело — обида, злость, растерянность. «Недоразумение». Он назвал наш поцелуй недоразумением. Словно это не он несколько часов назад прижимал меня к себе так, будто боялся, что я растворюсь в воздухе.

Испугался того, что произошло, и теперь трусливо прячется за деловым тоном, пытаюсь убедить в этом «недоразумении» в первую очередь самого себя. Мой аналитический ум быстро расставил всё по полкам: Гелион выбрал самый простой путь защиты — обесценивание. Если назвать пожар случайной искрой, можно сделать вид, что ничего не сгорело.

«Ну что ж, Гелион, — подумала я, выпрямляясь и заставляя себя дышать ровно. — Если ты хочешь забыть, как твоё сердце колотилось рядом с моим, — воля твоя. Я не буду бороться за внимание мужчины, который сам не знает, чего хочет, и боится собственных чувств».

Глава 12 Сариус

Я направилась в глубь коридоров, стараясь вспомнить повороты этого лабиринта. Удача улыбнулась мне быстрее, чем я ожидала: на одном из перекрестков я наткнулась на того самого мужчину, который в мой первый день здесь подтвердил подлинность метки. Его спокойствие и мудрый взгляд вызывали у меня куда больше доверия, чем рыки Императора.

— Леди Валерия, — он учтиво склонил голову, и в его голосе чувствовалась теплота. — Мне доложили, что вы ищете библиотеку. Позвольте проводить вас?

— Да, спасибо, — я невольно выдохнула с облегчением, замедляя шаг и чувствуя, как напряжение отпускает плечи. — Эм... простите, а вы?..

— Лорд Сариус, советник Его Величества, — представился он, жестом указывая на широкую лестницу, ведущую вниз. — Прошу вас, идёте. Библиотека находится в восточном крыле.

Мы медленно шли по длинному переходу, где солнечные лучи падали на пол сквозь узкие окна, рисуя на плитках чёткие световые полосы.

— Вы уже немного освоились в нашей Цитадели? — мягко спросил он, нарушая тишину.

— Сложно освоиться там, где на тебя смотрят как на ано-

манию или личного врага, — я горько усмехнулась, поправляя рукав с меткой. — Оказывается, драконы — не очень гостеприимный народ. Или, может, это я так неудачно вписалась в ваш местный колорит?

— Не стоит брать всю ответственность на себя, — Сариус едва заметно улыбнулся, и в его голосе прозвучало искреннее сочувствие. — Понимаете, драконы — вспыльчивые существа, в наших жилах течет первородный огонь, который диктует свои правила. Мы привыкли решать проблемы силой, а не разговорами. То, что случилось с вами — эта Истинность... это древняя магия, которую Гелиону физически сложно принять.

Он помолчал, подбирая слова, и я заметила, как его пальцы слегка сжались за спиной.

— Поймите его правильно: он вырос в убеждении, что чувства — это роскошь, которую правитель не может себе позволить. Ему просто нужно время, чтобы свыкнуться с этой мыслью и осознать, что теперь он больше не принадлежит только себе.

Сариус внезапно остановился и внимательно посмотрел мне в глаза, отчего по спине пробежал холодок.

— Видите ли, Валерия, метку нельзя убрать, как бы Гелион на это ни уповал. Она не стирается и не тускнеет со временем. Её нельзя заговорить, передать другому или отменить. Она исчезает только вместе с жизнью одного из носителей, оставляя только шрам, как напоминание. — Он сделал паузу,

и его взгляд стал пугающе пронзительным. — Скажите честно... вы готовы умереть, чтобы избавиться от этой связи?

— Нет, — ответила я без колебаний, выдерживая его взгляд. — Умирать в мои планы точно не входит. Но, кажется, некоторые личности с огненными локонами точно этого хотят. Изольда ясно дала понять, что само моё существование портит ей интерьер.

Сариус грустно улыбнулся, и в уголках его глаз собрались глубокие морщинки.

— Изольда, конечно, привыкла быть первой, привлекать к себе внимание, но ничего не сможет сделать, как бы ни старалась. Магия Истинности — это не выбор, это судьба. Она всё равно притянет вас друг к другу, как бы вы оба ни сопротивлялись. Это неизбежно, как смена времён года. Сопротивление Гелиона лишь делает этот процесс болезненнее для вас обоих, но итог всё равно предрешён.

— Тогда почему он ведет себя так, будто я — его личное проклятие? — спросила я, пока мы сворачивали в следующий коридор. — Почему он так отчаянно ищет способ её «стереть»? Неужели я настолько ужасна в роли его... пары?

— Дело вовсе не в вас, дитя, — вздохнул Сариус, и его шаги по камню стали тяжелее. — Наш мир долгое время был глубоко болен. Много веков назад нас поразила проклятая болезнь, из-за которой большая часть женского населения вымерла. Женщин стало слишком мало, преемственность поколений нарушилась, и вместе с этим великая ма-

гия Истинности постепенно угасла, превратившись в легенду. Мы веками жили, заключая браки по сухому расчету и политическим соображениям, чтобы просто сохранить род. Гелион вырос в мире, где Истинность — это красивая сказка из пыльных свитков. И вдруг этот миф материализуется на его запястье в облике иномирянки. Для него это не дар богов, а сокрушительный удар по всему привычному миропорядку.

Мы подошли к массивным дверям, украшенным изображениями свернувшихся драконов. Сариус положил ладонь на тяжёлое кольцо, но прежде чем потянуть его, обернулся ко мне.

— Не спешите разочаровываться в Гелионе, Валерия. Он не сможет долго воевать с собственным сердцем. Просто дайте магии всё сделать за вас. Она гораздо мудрее его упрямства.

— А если нам обоим это не нравится? — тихо спросила я.

Я и сама уже запуталась, где мои настоящие чувства, а где те, что навязаны меткой.

Сариус улыбнулся — тепло, но с оттенком горечи.

— Поверьте, магия Истинности ещё никого не сделала несчастным. Несчастливыми людей делают только их собственные решения.

Мы переступили порог, и тяжелые двери за нами бесшумно закрылись. Разговор остался позади, уступив место благоговейной тишине. Библиотека оказалась величественной и

пугающе прекрасной: три этажа, уходящих вверх, были целиком заставлены книжными стеллажами из темного дерева. Но удивило меня вовсе не количество томов и монументальный дракон в углу.

— Сариус, вы полагаете целесообразным делать освещение в виде открытого огня в помещении, наполненном сухой бумагой? — я недоверчиво кивнула на чаши с яркими огнями, которые были размещены буквально везде: на столах, колоннах и даже вдоль самих стеллажей.

Лорд Сариус негромко рассмеялся, и этот звук эхом отразился от высоких сводов, затерявшись между стеллажей.

— Это магический огонь, леди Валерия. Он не способен навредить книгам, — он непринужденно протянул руку к ближайшей чаше, и языки пламени ласково коснулись его пальцев. — Попробуйте сами, он не обжигает.

Я протянула руку, всё еще сомневаясь и ожидая болезненного ожога, но опаляющего жара не последовало. Ладонь будто обволокло плотным, чуть тёплым воздухом. Это было похоже на прикосновение к солнечному лучу, ставшему материальным — невесомое, тёплое, успокаивающее.

— Это удивительно... — выдохнула я, заворожённо глядя на пляшущие искры, которые не оставляли и следа на коже. Я провела рукой сквозь пламя, и оно послушно расступилось, а затем сомкнулось снова, словно живое существо, играющее со мной.

Мужчина улыбнулся и подвёл меня к центральному ката-

логу — постаменту из тёмного дуба, на котором лежала раскрытая книга с пустыми страницами. Сариус провёл ладонью над страницей, и та заполнилась светящимися буквами, которые складывались в названия разделов и номера стеллажей.

— Вот магический указатель, — пояснил он. — Просто коснитесь раздела, который вас интересует, и указатель покажет точное местоположение книг. Если нужная книга уже взята кем-то другим, буквы будут гореть алым. Если свободна — золотым.

Меня в первую очередь интересовало мироустройство, основы этого мира. Указав на нужный стеллаж на втором ярусе, Сариус слегка поклонился.

— Оставляю вас, — сказал он, но уже на полпути к выходу остановился и обернулся. В его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти отеческое. — Дайте шанс этому миру, леди Валерия, и он сможет вас удивить. Приятного чтения.

Слова Сариуса оставили странный, тёплый отклик в душе. Глядя на закрывшуюся дверь, я невольно подумала, что, возможно, в этом безумном мире и правда есть место для чего-то большего. Может быть, Гелион действительно запутавшийся в собственных страхах мужчина, чья жизнь перевернулась так же резко, как и моя.

Но в чем я была твердо убеждена, так это в том, что Гелион должен сделать следующий шаг сам. Мой внутренний аналитик, привыкший работать с фактами, вынес четкий вер-

дикт: я не собираюсь навязываться, не буду бегать за ним, выпрашивая внимание, и уж точно не стану умолять его принять эту связь. Если магия истинности так сильна, как говорит Сариус, то Императору придется признать очевидное.

«Пусть сначала научится отвечать за свои поступки, — подумала я, поднимаясь на второй ярус к нужным стеллажам. — А я пока займусь тем, что у меня получается лучше всего: сбором данных».

Глава 13 Библиотека

Вооружившись стопкой книг, я оккупировала массивный стол на первом этаже. Когда я раскрыла первый том, меня на миг охватила лёгкая паника: страницы пестрели незнакомыми значками — угловатыми, колючими, словно их выцарапали когтем, а не вывели пером. Но стоило прищуриться, всмотреться в строки, как мозг внезапно подхватил волну. Буквы перестали быть хаотичным набором закорючек: они сплелись в слова, слова — в предложения, и я впитывала смысл так же естественно, как лёгкие втягивают воздух.

Странное ощущение, но чертовски удобное. Похоже, местная магия работала как встроенный универсальный переводчик прямо у меня в голове. Если задуматься, мы с Гелионом ведь тоже говорим на разных языках, но каким-то образом понимаем друг друга... хотя со словом «понимаем» я, пожалуй, переборщила. Было бы весело, если бы вдобавок ко всем нашим проблемам мы ещё и лингвистически не сошлись.

Я усмехнулась собственной мысли и погрузилась в чтение. Новый мир, разворачивающийся на страницах, затянул меня настолько, что я совершенно потеряла счет времени. Хорошо, что Айна время от времени бесшумно приносила перекусы — с учётом того, что утренний завтрак был незна-

дёжно испорчен, мой желудок к вечеру прижался бы к позвоночнику.

Информации было море. Я нашла подробности о той самой болезни, о которой упоминал Сариус. Это было действительно ужасно: хроники описывали, как в одночасье мужчины лишались жен, дочерей и матерей. Но, что странно, в книгах не было четкого объяснения, почему болезнь внезапно отступила. Она просто исчезла — так же внезапно, как и появилась.

Судя по энциклопедиям, здесь сосуществовали четыре основные расы: люди, живущие повсеместно; оборотни, делящиеся на кланы; эльфы и, собственно, драконы. Ещё упоминались ледяные драконы, но о них было всего пару скупых строк — живут обособленно на своём острове и ни с кем не поддерживают контакт. Интересно, почему Гелион говорил, что они не ладят? С формальной точки зрения, это же одна раса, должны же существовать хоть какие-то точки соприкосновения.

Особенно меня поразили цифры продолжительности жизни. Оказалось, что обычные люди здесь живут до двухсот лет. Двести! Я перечитала этот абзац трижды, будто пыталась убедить свой мозг, что ошибка не в переводе. А драконы, эльфы и оборотни — до пятисот. Немыслимо! На Земле дожить до восьмидесяти — уже благословение, а тут я, по местным меркам, только перестала быть ребёнком. Получается, мне здесь жить и жить.

Но больше всего меня привлекли эльфы. Описание рисовало образ утонченных созданий, живущих в гармонии с природой. Их общество строилось на взаимном уважении, а не на грубой силе.

«И почему мне в Истинные не достался какой-нибудь вежливый, обходительный эльф?» — меланхолично подумала я, подпирая щеку рукой. — «Сидели бы сейчас в лесу, пили нектар и обсуждали шелест листьев. Он читал бы мне стихи собственного сочинения, а я слушала бы и чувствовала, как мир вокруг замирает в уважении к этой гармонии».

Я вздохнула и покачала головой.

— Но нет, — сказала вслух, споря сама с собой, — мне достался вредный, вспыльчивый дракон, который сначала рычит, потом целует, а утром не признает этого.

Захлопнув книгу, я потянулась, чувствуя, как хрустят позвонки после многочасового сидения в одной позе. Пора было закругляться, но уходить с пустыми руками я не собиралась. Мне нужна была книга об «истинности» — чтобы наконец разобраться, где заканчивается влияние метки и начинаются мои собственные чувства. Потому что с каждым часом эта грань становилась всё более размычатой. Сердце билось чаще при мысли о Гелионе, но что это — магия, навязавшая нам связь, или... что-то другое, чему я пока боялась дать имя?

Я уже выбрала нужный том, когда тишину библиотечных сводов пререзал резкий звук.

Цок... цок... цок...

Стук каблуков по полу приближался из-за дальних стеллажей, уверенный и размеренный. Я замерла, прислушиваясь. Этот звук я уже слышала сегодня утром, и он не предвещал ничего хорошего.

Из полутени вышла Изольда. Она двигалась, как хищница — плавно, текуче, каждый шаг был выверен и наполнен угрозой. Её алое платье струилось вокруг ног, словно жидкое пламя, а распущенные огненные волосы падали на плечи тяжёлыми волнами. Она излучала презрение, и каждый её шаг буквально вибрировал от подавленной ярости.

Кажется, ей было глубоко плевать на все запреты Гелиона. Она знала, что Императора нет в замке, и это делало её абсолютно безнаказанной. Здесь не было никого, кто мог бы её остановить. Никого, кто осмелился бы встать между ней и целью.

— Ищешь способы ещё сильнее одурачить Гелиона? — Она кивнула на тяжёлый фолиант в моих руках, её губы искривились в ядовитой усмешке. — Думаешь, если нарисуешь этот знак, он тут же прыгнет к тебе в койку? Неужели ты всерьёз надеешься, что сможешь привязать его к себе этой жалкой подделкой?

Я крепче прижала книгу к груди, чувствуя, как корешок впивается в пальцы.

— Я ничего не рисовала, Изольда. Ты видела метку. Она настоящая, и ты это знаешь, — мой голос прозвучал на удив-

ление твёрдо.

Изольда замерла, и её острый взгляд впился в моё запястье, скрытое рукавом. Я видела, как в её голове происходит напряжённая работа: ярость сталкивалась с неоспоримыми фактами, эмоции бились о логику. Даже её помутнённый ревностью мозг не мог игнорировать очевидное — обычный человек, без магии, физически не способен подделать печать, выжженную на теле.

Её лицо исказилось, будто она проглотила нечто горькое. Она пришла к выводу, который был хуже любого подозрения: я не мошенница. Я — реальная угроза.

Подойдя вплотную, она остановилась на расстоянии вытянутой руки. Ноздри её расширились, и она втянула воздух, словно принюхиваясь. Её взгляд стал ещё более безумным, зрачки сузились до вертикальных щелок.

— Почему ты пахнешь им, — прошипела она, и в её голосе прорезалась такая дикая, первобытная ненависть, что воздух во рту стал горьким на вкус. — Я почувствовала это ещё утром, за столом. Он касался тебя. Мой мужчина допустил тебя слишком близко.

— Он не вещь, Изольда, чтобы принадлежать кому-то, — неожиданно для себя самой я почувствовала желание защитить его, отстоять его право на выбор, даже если этот выбор был навязан. — И он не твой личный трофей.

— Закрой свой рот, человечка! — её голос сорвался на рык, и я увидела, как вокруг её тонких пальцев начали виться

тонкие струйки настоящего, живого дыма. — Ты — ошибка. Решила тягаться с чистокровным пламенем? Ты даже не представляешь, сколько таких, как ты, пытались залезть в его постель. Сколько дешёвых шлюх думали, что смогут удержать его своей никчёмной плотью. Теперь их имена стёрты из истории, а я всё ещё здесь.

Она говорила и говорила, и с каждым словом её голос становился всё выше, всё истеричнее. Она подняла руку, и я замерла, прикованная взглядом к её ладони. На ней лежала небольшая прозрачная капсула, внутри которой пульсировало что-то золотистое и переливчатое — словно жидкий свет, запёртый в стеклянной тюрьме.

— Это «сонная одурь». — проговорила она почти с ласковой интонацией, отчего по спине побежал холод. — Её варят из корня сон-травы, которая растёт только в Чёрных степях. Процесс сложный, требует времени и знаний. Но оно того стоит. Она не убивает, нет. Это было бы слишком просто, слишком милосердно для тебя.

Она сделала шаг ближе, и я отступила, упёршись спиной в край стола.

— Просто погружает сознание в такой глубокий сон, где нет ни боли, ни воспоминаний. Ты просто перестанешь быть. Твоё тело будет дышать, сердце будет биться, но внутри не останется ничего. Пустая оболочка. Гелион вернётся и найдёт тебя спящей.

Изольда улыбнулась — медленно, хищно, обнажая зубы.

— Он погорюет день, может быть, два. А потом... магия связи затихнет, метка пропадёт, потому что Истинность не работает с пустышками. И он вернётся ко мне. К реальности. К той, кто была рядом всё это время.

— И ты думаешь, он не поймёт, чьих это рук дело? — хотела сделать ещё шаг назад, но край стола и так до боли упирался в поясницу.

— Это уже не будет важно, — отрезала она. — Я просто напомним ему, как хорошо нам было вдвоём... в постели.

— Ты сумасшедшая, — выдохнула я, чувствуя, как страх сжимает горло.

— Возможно, — согласилась она, и в её глазах мелькнуло что-то тёмное, безумное. — Но я — та, кто добивается того, чего хочет.

На миг я расслабилась, решив, что она не станет насильно пичкать эту дрянь мне в рот. В конце концов, даже у безумия есть свои границы. Но я жестоко ошиблась. Изольда резко сжала кулак, и я услышала тонкий хруст — капсула раздавилась в её ладони. А когда она снова раскрыла пальцы, там был лишь золотистый порошок, похожий на мельчайшие песчинки, которые мерцали в полумраке библиотеки, как звёздная пыль.

— Прощай, человечка, — прошептала она и дунула.

Золотое облако сорвалось с её руки и метнулось к моему лицу быстрее, чем я успела среагировать. Я хотела сделать резкий вдох, чтобы задержать дыхание, но опоздала —

пыльца уже коснулась моих губ, проникла в ноздри, осела на языке вязким привкусом.

В ту же секунду мир покачнулся и поплыл.

Сознание начало проваливаться в темноту, пол подо мной внезапно исчез, и я падала в бесконечность. Книга с глухим стуком выпала из ослабевших рук, и звук её падения донёсся до меня словно сквозь толщу воды. Ноги подкосились, и я начала оседать, теряя контроль над телом.

Последнее, что я увидела, — торжествующее лицо Изольды, её глаза, горящие багровым огнём победы, и её сладостный, ядовитый голос, коснувшийся уха:

— Спокойной вечности, дорогая...

А затем наступила тьма. В ней не осталось ни звуков, ни запахов, ни ощущений. Только пустота, разрастающаяся внутри, поглощающая всё, чем я была

Глава 14 Рёв дракона

Гелион

Ледяной ветер высокогорья должен был выстудить мою кровь, но внутри всё ещё полыхал пожар. Я летел, оставляя позади Цитадель и её. Валерию.

Злость клочкотала в груди, став единственным щитом против того, что произошло в малой трапезной. Слабость — вот что я позволил себе. Позорную, непростительную слабость. Коснулся её. Вдохнул этот невозможный запах дождя, который она принесла из своего странного мира, и на мгновение... на одно проклятое мгновение в голову закралась мысль: а что, если всё это — правда? Что, если Истинность — не цепь, а спасение от того одиночества, к которому я привык?

Поцелуй. Это не было просто касание губ. Когда я прижал её к себе, мой дракон внутри завыл от первобытного восторга, признав свою половину. Ощущение было сродни тому, как если бы нашёлся недостающий элемент в древнем, рассыпающемся заклинании: внезапно мир обрёл смысл, чёткость и глубину, которых я не чувствовал раньше. И именно это пугало больше всего. Контроль, выстраиваемый годами, рассыпался в прах под её губами.

Перед глазами всё стоял её взгляд. Она думала, что я не смотрю, но я видел: как потухли её глаза, когда я обозвал

наш поцелуй «недоразумением». Дракон внутри метался, готовый испепелить меня изнутри за то, что я сделал больно паре. И чем дальше я улетал, тем сильнее становилась тяга развернуться и полететь обратно — прижать её к себе и больше никогда не отпускать. Каждая миля давалась с боем против собственной сущности.

Я должен был добраться до Старейшины. Он единственный, кто помнит истинную магию и знает, как выжечь эти буквы с кожи, не уничтожив при этом мою собственную душу. Мне отчаянно хотелось вернуться к своей понятной, расчётливой жизни, где Изольда была удобной деталью механизма.

Усилием воли заставил себя сосредоточиться на полёте. Пейзаж внизу менялся: скалы становились круче, воздух — разрежённое. Ещё несколько часов — и получу ответы. Закрою эту главу, избавлюсь от этой зависимости и снова стану собой. Обязан стать.

А потом я почувствовал это.

Сначала — лишь отголоски: мимолётное раздражение, вспышка злости, а затем — парализующий страх. И вдруг всё смолкло. Там, где раньше всегда пульсировало её присутствие, воцарилась пугающая тишина. Её пульс, который я слышал на периферии сознания всё это время — этот мерный, быстрый стук человеческого сердца — исчез. Её раздражение, её странная, колючая уверенность — всё оборвалось.

«Она жива?» — эта мысль пронзила мозг, как удар молнии. Нет, смерть я бы почувствовал иначе. Здесь была пустая, звенящая ничем бездна. словно Валерию вырезали из реальности.

— Нет... — выдохнул я, застыв в небе в оцепенении.

Разве не этого я хотел? Разве не за этим я летел на край света? Связь истончилась, я снова принадлежал только себе. Но мой дракон в этот миг словно обезумел.

«МОЯ!» — взревел зверь в сознании. Древний хищник, подчинявшийся моей воле, внезапно восстал. Он перехватил контроль с такой первобытной силой, что я ослеп от вспышки чистой энергии. Тело перестало меня слушаться. Крылья сами собой развернулись, совершая резкий, болезненный крен, от которого затрещали суставы.

Я пытался бороться. Пытался вернуть власть над собственными мышцами, но дракон не слушал. Он сложил крылья, уходя в крутое, самоубийственное пике, чтобы набрать скорость. Ему было плевать на логику правителя и политические расклады. Он чувствовал: его Хранительница, его единственное Пламя угасает.

Обратный путь занял вдвое меньше времени — я летел так быстро, что чешуя на груди начала раскаляться. Перевоплотился на лету, спрыгнув на ближайший балкон. Дракон метался внутри сознания, мешая сосредоточиться, чтобы определить, где именно находится девушка. Но я вспом-

нил: она хотела в библиотеку.

Я ворвался туда, едва не снеся двери с петель.

— Валерия! — мой голос сорвался на хриплый рык, от которого задрожали стеллажи, а пламя в магических чашах испуганно метнулось в стороны.

Я нашёл её возле стола в глубине первого яруса. Она лежала на холодном камне, и изумрудное платье казалось неестественно ярким пятном на полу. Волосы рассыпались вокруг головы ореолом, кожа выглядела пугающе бледной, а грудь, казалось, совсем не двигалась. Рядом, словно брошенный щит, лежала раскрытая книга.

Опустившись на колени, дрожащими пальцами коснулся её шеи. Кожа была ледяной, но спустя вечность томительного ожидания я почувствовал едва различимый, нитевидный толчок. Пульс был, но он затухал.

— Держись, — прохрипел я, подхватив её обмякшее тело и прижимая к груди. — Не смей уходить во тьму. Слышишь? Ты не бросишь меня здесь одного с этим проклятием!

Я вынес её из зала, и мой голос, сорвавшийся на громовой рык, разнёсся по сводам коридоров:

— Стража! Лекаря в мои покои! Живо!

Ворвавшись в покои, бережно, боясь причинить боль даже неосторожным движением, уложил Валерию на покрывало своей кровати. Она казалась совсем маленькой и хрупкой на фоне тёмного балдахина.

В дверях появился лекарь. Моментально оценив ситу-

ацию, он принялся раскладывать инструменты на столике возле кровати. Следом вошёл Сариус, тяжело дыша после быстрого бега по лестницам.

— Гелион, что случилось? — он перевёл взгляд на девушку, и лицо его мгновенно осунулось. — Что с леди Валерией?

Я ничего не ответил, боясь, что если открою рот, то из груди вырвется не голос, а испепеляющее пламя. Я ждал вердикта.

Лекарь склонился над Валерией, прижал пальцы к её вискам и долго вглядывался в расширенные зрачки, которые не реагировали на свет.

— Я не уверен до конца, мой повелитель... — прошептал старик, качая головой. — Но похоже, что девушка просто спит. Однако этот сон ненормален. Её сознание уходит всё дальше, погружается во тьму.

Мы с Сариусом переглянулись, и одно и то же страшное название сорвалось с наших губ одновременно:

— Сонная одурь.

Древний яд, который не убивает плоть, но запирает душу в бесконечном лабиринте грёз, пока тело медленно угасает от истощения.

— Это невозможно, — Сариус подошёл ближе, голос его дрожал от негодования. — Этот яд запрещён сотни лет! Как он мог попасть в Цитадель?

Я знал в своём замке только одного дракона, который имел доступ к таким редкостям и обладал веским поводом

их использовать.

Изольда.

Эта змея решила, что может послушаться своего правителя и действовать безнаказанно, пока я в отъезде. Ярость на мгновение сменилась ледяным холодом: я сам дал ей эту возможность, оставив Валерию без должной защиты.

— У вас есть противоядие? — спросил я у лекаря, хотя в глубине души уже знал ответ.

— Простите, — лекарь опустил глаза. — Эта отравка давно под запретом именно потому, что надежного противоядия от неё не существует. — Он задумался на секунду. — Раньше считалось, что магия истинности могла помочь вытянуть душу из лабиринта, но... — он замолчал, не смея продолжать.

— Свободен, — прервал я.

Когда лекарь вышел, я остался стоять у кровати, глядя на бледное лицо Валерии. Старик был прав: в древности драконы выжигали целые поля, где росла эта трава, но семена иногда прорастали спустя столетия. И только через связь истинных пар можно было достучаться до уходящего сознания, став для него маяком.

— Гелион, ты же не позволишь девушке умереть? — тихо спросил Сариус, подходя к изножью кровати.

Я посмотрел на свою руку, на её имя. Она угасала, и я чувствовал, как с каждым её вздохом мир вокруг меня теряет краски.

— В моём замке не умирают по прихоти ревнивых дур,

— отрезал я, садясь на край кровати. — Оставь нас. И запри Изольду в её покоях. С ней я разберусь позже.

Сариус бесшумно вышел, и тяжёлая дверь захлопнулась, оставляя нас в звенящей, почти осязаемой тишине. Я осторожно взял её ладонь в свою — она была пугающе лёгкой и холодной, словно я держал не живого человека.

— Что же, Валерия... Кажется, мы будем связаны с тобой не только меткой, — прошептал я и коснулся её губ своими.

Глава 15 Искусственное дыхание

Гелион

Мои губы накрыли её рот. Медленно, плавными толчками я начал переливать в Валерию первородный огонь — саму суть своей жизни. Если бы она была обычной человеческой женщиной, это пламя мгновенно выжгло бы её изнутри, но сейчас её тело жадно, почти судорожно поглощало магию из-за метки. Она впитывала мой жар, словно иссохшая земля — долгожданный ливень. Я чувствовал, как огонь течет по её венам, согревая застывшую кровь.

Но этого было мало. Её душа всё еще плутала в темноте, запертая в лабиринте яда. Нашупав нашу связующую нить, я сформировал в самом её центре крохотный, ослепительно яркий шар золотистого пламени и отправил его вглубь её разума.

«Иди на свет, Валерия, — мысленно позвал я. — Не дай тьме обмануть себя».

Не знаю, сколько прошло времени — минуты или часы. Казалось, я выплеснул в неё весь свой резерв до последней капли. Руки дрожали от колоссального напряжения. И когда я уже готов был провалиться в беспамятство вслед за ней, произошло чудо: на бледные щёки начал медленно возвращаться румянец.

Я отстранился, тяжело дыша и едва удерживаясь в сидя-

чем положении. Ресницы девушки дрогнули, и она медленно приоткрыла глаза, в которых еще стоял туман.

— Ге... лион? — её голос был едва слышным шелестом, словно сухая листва на ветру.

— Я здесь, — мой голос, обычно твердый и властный, сейчас дрогнул. — Ты в безопасности. В моих покоях.

— Почему... так холодно... — прошептала она, и её тело пробила мелкая дрожь.

Я понимал, что яд «сонной одури» всё еще пытается утянуть её назад. Сознание вернулось, но искра жизни внутри неё была слишком слабой. Не раздумывая, я снова прильнул к её губам. Но теперь это не было сухим вливанием магии. Я делился своей жизненной силой, прокладывая мост между нашими душами. И в этот миг я отчетливо осознал: точка невозврата пройдена. Теперь мы — единое целое, и её боль всегда будет моей.

Сначала Валерия просто принимала этот поцелуй, как замерзающий принимает тепло костра. Она была пассивна, лишь слабо приоткрыла губы. Но постепенно, по мере того как жизнь возвращалась в её жилы, характер поцелуя начал меняться. Он перестал быть лечебным ритуалом.

Её дыхание участилось, став прерывистым и горячим. Она ответила — сначала робко, а затем с той самой «колючей» уверенностью, которую я так ненавидел и которой так жаждал. Руки, ещё недавно безвольно лежавшие на покрывале, поднялись и запутались в моих волосах, притягивая ближе,

словно она боялась, что я — лишь мираж из её кошмара. Я гладил её щеку, чувствуя, как кожа становится шёлковой и живой под пальцами.

Когда я отстранился, мы оба тяжело дышали. Энергией делился я, но в итоге мы оба зарядились до предела. Наша связь сработала как замкнутый контур, усиливая поток и возвращая её мне, очищенной и мощной стократно. Я чувствовал себя так, будто готов свернуть горы, но в то же время руки мои всё ещё слегка подрагивали от пережитого напряжения.

Валерия смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых плескалось недоумение.

— Как ты здесь оказался? — её голос немного окреп, хотя в нём всё ещё слышалась слабость. — Ты же... ты же улетел. Хотел найти способ всё прекратить.

— Моя вторая ипостась сошла с ума от этой связи. Зверь не дал мне лететь дальше — он начал бы выжигать меня изнутри, буквально разрывать плоть, если бы я не повернул обратно в ту же секунду, как почувствовал, что твоя жизнь гаснет.

— Значит, дракон... это просто инстинкт самосохранения? — бесцветно спросила она, и в её взгляде что-то надломилось. — Зачем же ты тогда с таким упоением целовал меня сейчас? Очередное «недоразумение»?

— По-другому я не смог бы влить в тебя свой огонь и вытащить сознание из той бездны, куда тебя затянуло, — от-

ветил я жестче, чем мне хотелось. — Чтобы «разжечь» тебя изнутри, мне пришлось использовать самый короткий путь.

— Метод искусственного дыхания с магическим подтекстом? — в её голосе прозвучала горькая ирония.

— Называй это как хочешь, — я резко поднялся с края кровати, увеличивая дистанцию. — Факт остается фактом: ты дышишь, яд нейтрализован.

Я подошёл к окну, подставив лицо холодному ночному воздуху, чтобы скрыть дрожь в пальцах. Спиной чувствовал её взгляд — тяжёлый, изучающий, пронизывающий. Она была слишком умна, чтобы проглотить это объяснение, но я отчаянно надеялся, что гордость заставит её поверить в мою холодность.

Я лгал. Ей, но в первую очередь — себе. Тот поцелуй изменил всё. В момент, когда она ответила, я забыл и про связь, и про яд, и про всю свою Империю. Я проиграл эту битву, но признаться сейчас означало капитулировать окончательно. Мне жизненно необходимо было разобраться в себе: где пролегают границы моих чувств, а где начинается воля зверя? Магия истинности тянула нас друг к другу с неотвратимостью лавины, но я хотел быть уверенным, что выбираю эту девушку как мужчина, а не как ведомый инстинктами зверь.

— Тебе нужно отдыхать, — бросил я, не оборачиваясь. Знал: если посмотрю на неё сейчас, вся броня рассыплется в пепел. — За дверью моя личная гвардия. Ты в безопасности.

— Безопасности? — девушка внезапно рассмеялась. Этот

сухой, надломленный звук ударил меня в спину сильнее, чем ледяной ветер в горах. — Может, тебе стоит самому меня убить, Гелион? Прямо сейчас. Не жди, пока твоя фаворитка закончит начатое. Так ты разом решишь все свои проблемы.

— Изольда больше к тебе не прикаснется, — отрезал я, всё ещё не оборачиваясь. Мой голос звучал глухо, я едва узнавал его. — Завтра на рассвете она навсегда покинет Цитадель.

— И что это изменит? — В её голосе дрожала нескрываемая горечь. — Если я для тебя всего лишь «цепь», которую нужно разорвать, то просто закончи это. Хватит спасать меня ради того, чтобы в следующий миг снова оттолкнуть.

Я молчал, сжимая кулаки. В каждом её слове сквозила обида — и она имела на неё полное право. Кому понравится, когда сначала тобой упиваются в жадном поцелуе, забыв обо всем на свете, а через минуту смотрят сквозь, делая вид, что ничего не было?

— Ты так говоришь только из-за пережитого, — выдавил я, стараясь придать голосу твердость. — Сомневаюсь, что ты действительно так отчаянно хочешь покончить с собой.

— Можно подумать, тебя волнует, что я чувствую, — она горько усмехнулась. — Я же для тебя словно кукла. Удобный инструмент: поиграть, когда просыпаются инстинкты, и оставить пылиться на полке, когда включается императорский разум.

— Я не считаю тебя куклой, — повернувшись, отрезал я.

Жар внутри меня снова начал подниматься, но это был не огонь ярости, а жгучее чувство вины.

— Неважно, — она резко натягивая одеяло до самого подбородка, словно пытаюсь отгородиться. — Я хочу вернуться в свою комнату.

Я посмотрел на её напряженную спину. Каждое её движение кричало о том, что она хочет оказаться как можно дальше от меня и от того смятения, которое я принес в её жизнь.

— В ту комнату ты больше не вернешься, — произнес, направляясь к дверям. — Айна подготовит новые покои с магической защитой, которую не пробьет никто.

Замер у самого порога, на мгновение мне захотелось обернуться и сказать что-то еще. Что-то настоящее. Но страх перед собственной уязвимостью снова взял верх.

— Отдыхай. Завтра всё будет иначе.

Я вышел, плотно закрыв за собой дверь. Направился к бывшей фаворитке, чувствуя, как метка на запястье продолжает пульсировать — в такт её сердцу. Я спас её тело, но, кажется, потерял путь к её доверию.

И теперь, шагая по коридору, я впервые не знал, что делать дальше. Империя, планы, долг — всё это вдруг показалось пылью на ветру перед одним-единственным вопросом: как заставить её снова смотреть на меня без этой ледяной горечи в глазах?

Глава 16 Гнёздышко

На следующее утро Айна проводила меня в новые покои. Они располагались в том же крыле, совсем недалеко от комнат Гелиона.

«Ну и ладно, — подумала я, оглядывая просторную светлую гостиную, обставленную с холодным изяществом. — Это всё равно лучше, чем делить с ним одну спальню».

Тот факт, что нас разделяло всего несколько десятков метров коридора, немного напрягал, но наличие собственной двери, которую можно запереть, дарило иллюзию независимости. Теперь моей главной стратегической задачей было максимально сократить количество наших встреч.

Настоящим восторгом стали вещи, разложенные Айной на кровати: мягкие туники и — наконец-то! — удобные штаны из разных тканей. Попадались как плотные, так и более лёгкие. Никаких бесконечных подолов, в которых можно запутаться на ровном месте.

— Повелитель ожидает вас в малой столовой для завтрака, — сообщила Айна, поправляя шторы на окнах и впуская солнечный свет.

— Поем в комнате, — ответила я категоричным тоном.

Видеть этого мужчину не хотелось. Опять в голове выстраивался тот же сценарий: сначала он набрасывается со своими поцелуями, от которых тело буквально плавится, а

разум отключается, а потом смотрит на меня как на досадную помеху. Хватит с меня этих эмоциональных горок.

— Айна, — позвала я, когда она уже собиралась уходить за подносом, — ты не знаешь, Изольда еще во дворце?

— Нет, госпожа, — в её голосе, как мне показалось, на секунду проскользнуло едва заметное недовольство. Видимо, эта «огненная леди» многим успела подпортить жизнь. — Сегодня на рассвете она вместе с отцом, лордом Горных Пиков, покинула Цитадель.

Что ж, одной проблемой меньше. Оставалось надеяться, что у Гелиона нет в запасе ещё одной злопамятной фаворитки.

— Послушай, — я подошла к окну, глядя на острые шпили замка, когда девушка собирала посуду. — Может, ты знаешь какое-нибудь уединенное место? Где можно посидеть в тишине, почитать, и чтобы никто не мешал.

Изучать этот мир было необходимо, но возвращаться в библиотеку после вчерашнего у меня не было ни малейшего желания. Запах «сонной одури» до сих пор стоял в носу, напоминая о том, как близко была черта невозврата.

— Есть одно место, — Айна задумчиво прикусила губу. — В центральной башне, на самой вершине, есть небольшая открытая терраса. Воздух там свежий, вид прекрасный, и почти никто туда не заходит.

Именно то, что нужно.

— Идеально. Принеси книги, что остались в библиотеке.

Я проведу день там.

Девушка проводила меня на указанное место. Вид отсюда открывался по-настоящему захватывающий: внизу, как тонкая нить, змейкой извивалась река, горизонт подпирали величественные горные хребты, а в ярко-синем небе то и дело проносились тени крылатых ящеров. Однако сам балкон выглядел как-то слишком обезличено — голый камень, пустые углы.

Под недоуменными взглядами стражников, которые не решились перечить «гостье императора», я организовала настоящую операцию по переезду. Сначала я принесла небольшой мягкий ковер, чтобы можно было ходить босыми ногами по холодному камню. Затем — удобное плетеное кресло, пару пышных подушек и даже два горшка с цветами, чтобы добавить жизни в этот минимализм.

Через час терраса преобразилась. Теперь это было моё «гнездышко» — функциональное, уютное и, главное, безопасное.

Так я проводила свои дни: Айна приносила мне несколько новых книг, и с ними я отправлялась в своё облюбованное местечко. Эта терраса стала моим личным убежищем.

Я погружалась в историю этого мира, пока мой покой не решил нарушить один несносный черный ящер. Я не видела, как он подошел, но воздух стал тяжелее и теплее, принесся с собой знакомый запах озона и жара.

— Решила основать здесь собственное королевство, Вале-

рия? — раздался над головой низкий, почти насмешливый голос. — Не надоело проводить свои будни, теряясь в книгах?

Я не шевельнулась, продолжая демонстративно смотреть в текст, хотя буквы уже начали расплываться перед глазами.

— В них гораздо больше смысла, чем в некоторых живых собеседниках, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально сухо. — К тому же, книги не пытаются убедить меня в том, что реальность — это всего лишь «недоразумение».

Гелион остановился у края террасы, опершись руками о каменный парапет. На нем была простая черная рубашка с закатанными рукавами, обнажающая предплечья.

— Я пришел не спорить, Валерия, — произнес он, смотря на меня. — Ты избегаешь меня уже три дня. Думаешь, если спрячешься, я просто исчезну из твоей жизни?

Я наконец оторвалась от книги и подняла на него взгляд.

— Просто экономлю наши ресурсы, Гелион. Зачем тратить время на бессмысленные споры и выяснение отношений, которых нет? Я здесь, ты — там. Система в относительном покое. Разве ты не этого хотел?

В черных глазах с ромбовидным золотистым зрачком промелькнула вспышка раздражения, смешанная с чем-то, что я не смогла идентифицировать — возможно, это была тень обиды, которую я чувствовала сама.

— Покой? Ты называешь это покоем? — его голос стал опасно низким, вибрирующим. — Мой дракон внутри сходит с ума, он буквально скребет ребра когтями, когда я не вижу тебя, когда не чувствую твоего запаха рядом. Думаешь, если ты спрячешься здесь, за книгами и подушками, связь затихнет? Напротив, она становится только громче, превращаясь в гул, который не дает спать.

— Нет, я так не думаю, — я наконец захлопнула книгу и поднялась, чувствуя, как внутри всё начинает мелко дрожать. — Но я надеялась, что за эти три дня ты нашёл решение. Скажи мне... ты уже нашёл лазейку, чтобы разорвать связь? Ты ведь за этим летал, не так ли? Чтобы стереть меня из своей реальности и вернуться к своей «нормальной» жизни, как будто я всего лишь вирус, который нужно удалить.

— Нет, — отрезал он, и в этом коротком слове было сокрыто гораздо больше, чем он хотел показать.

Гелион сделал шаг вперед, вторгаясь в моё личное пространство.

— Хватит прятаться от мира, Валерия. Ты скрылась здесь и пытаешься изучить жизнь по страницам. Но книги не покажут тебе мир. Они не дадут тебе почувствовать ритм столицы, запах облаков и тепло солнца. Собирайся. Сегодня я покажу тебе город.

Я горько усмехнулась, не отводя взгляда.

— Зачем тебе это, Гелион? Снова твой дракон манипулирует тобой, требуя, чтобы «пара» была в поле зрения? Ты

ведь так любишь прикрываться им каждый раз, когда ситуация выходит из-под твоего контроля. Тебе так удобнее: это не ты хочешь быть рядом, это «зверь внутри».

Он подошел вплотную, так близко, что я почувствовала жар, исходящий от его тела. Его взгляд, обычно пронзительный и обжигающий, сейчас стал пугающе серьёзным и... почти просящим.

— Прекрати язвить, Валерия, — произнёс он тихим голосом, медленно поднимая руку, но не касаясь меня, лишь обозначая жест. — Я зову тебя провести время со мной. С мужчиной, а не с драконом. Это моё решение. Моё желание.

Я замерла. Внутри всё предательски дрогнуло. Его слова ломали мою оборону гораздо эффективнее, чем любая ярость.

— С мужчиной? — переспросила я, чувствуя, как метка на запястье отозвалась нежным теплом. — И этот мужчина не посмотрит на меня завтра утром так, будто видит впервые?

Гелион глубоко вздохнул, и его лицо на мгновение смягчилось.

— Этот мужчина просто хочет, чтобы ты увидела мир его глазами. Дай мне этот шанс...

— Хорошо, — едва слышно прошептала я.

Он коротко кивнул, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Жду тебя внизу через полчаса, — бросил он и стреми-

тельно направился к выходу с террасы.

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри всё запуталось ещё сильнее. В голове навязчиво крутилась одна мысль: почему? Почему его отношение вдруг изменилось? Он не рычал, не кидался обвинениями, не пытался доказать мне, что я — лишь досадная ошибка в его идеальном государственном коде. Его голос был спокойным, а приглашение — почти человеческим.

«Никаких драконьих инстинктов, только я сам», — так он сказал? Мой аналитический склад ума тщетно пытался выстроить прогноз на эту прогулку, но данных не хватало. Либо он действительно что-то осознал, либо это какая-то новая стратегия.

Глава 17 Чёрный дракон

Переодевшись в новый брючный костюм, я почувствовала себя гораздо увереннее. Плотные кожаные брюки идеально облегли ноги, совершенно не сковывая движений, а приталенный пиджак из такой же мягкой, но прочной кожи придавал образу непривычную для меня воинственность.

Стражник молча про

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.